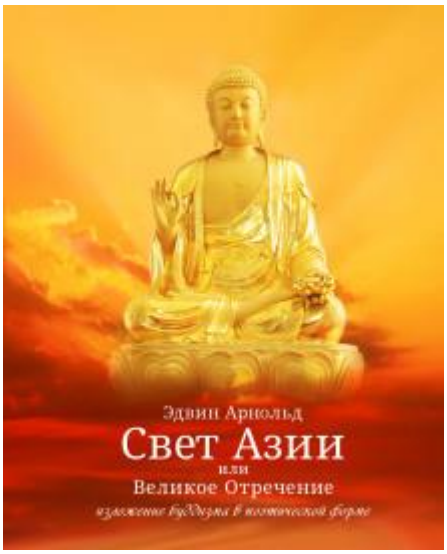
Эдвин Арнольд

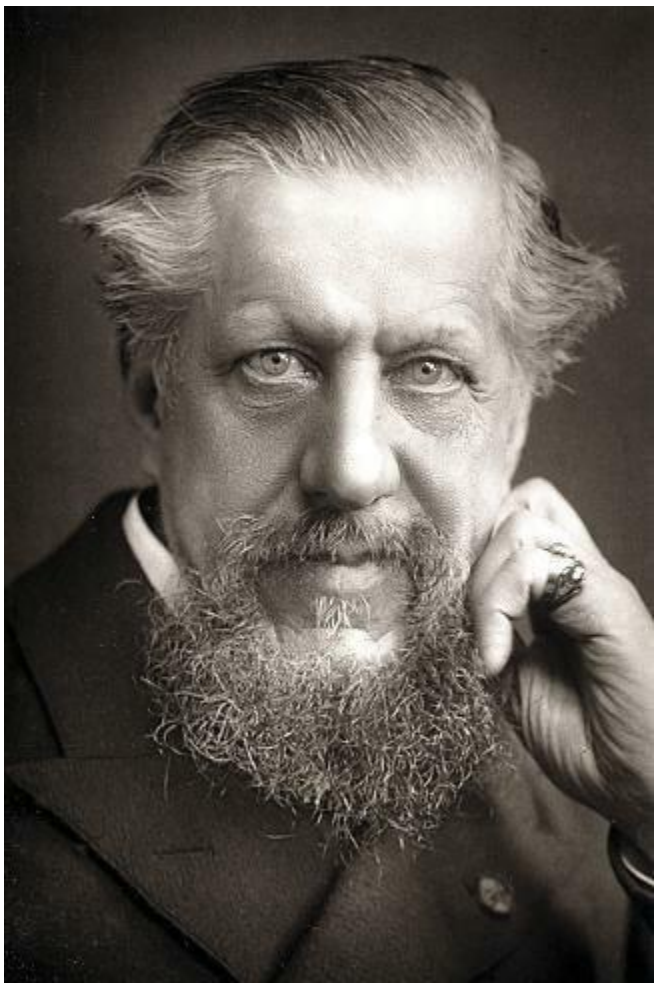
СВЕТ АЗИИ
THE LIGHT OF ASIA



Перевод А. Анненской
Под редакцией В. Лесевича.

Редакция 2006г.:
Amitashi

Благодарности:
Мама ☺
Мария Кузяева [Gerthruda]
Андрей Гуськов [fawkes]
Олег Османов [Vadjra]



ЭДВИН АРНОЛЬД **10 июня 1832 — 24 марта 1904**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эдвин Арнольд в своей поэме «Свет Азии», перевод которой мы предлагаем теперь вниманию читателя, дает описание жизни и характера основателя буддизма индийского царевича Сиддхартхи и очерк его учения, излагая их от имени предполагаемого поклонника Будды, строго придерживающегося преданий, завещанных предками. Легенды о Будде, в той традиционной форме, которая сохраняется людьми древнего буддийского благочестия, и предания, содержащиеся в книгах буддийского священного писания, составляют, таким образом, ту основу, на которой построена поэма. Эти легенды и предания, помимо того значения, которое они имеют для буддийской религиозной системы, обладают сами по себе такими поэтическими достоинствами, что могут в чисто-литературном отношении привлекать к себе внимание и тех, которые нисколько не интересуются буддизмом и никогда не изучали его. Являясь же в такой блестящей обработке, какую придал им знаменитый английский поэт, они становятся замечательным литературным произведением, которое даже в переводе, лишённом всей прелести стихо-

творной формы, украшающей оригинал, будет вероятно приятно встречено всяким, не имевшим случая или возможности познакомиться с подлинником.

Автор поэмы Эдвин Арнольд давно пользуется известностью в Англии и Америке, как искусный переводчик произведений восточной литературы. Его "Lotus and Jewel", "With Sadi in The Garden", "The Song Celestial", "The Secret of Death", "Indian Idylls", "Pearls of The Faith" и другие сочинения пользуются большою популярностью. Что же касается поэмы *"The Light of Asia"*, то она вышла вот уже более чем в пятидесяти изданиях и создала её автору громкую славу не только повсюду, где читают по-английски, но еще и там, где чтут воспетого им Будду. Король сиамский сделал автора кавалером ордена «Белого Слона», а цейлонское буддийское духовенство при посещении им о-ва Цейлон, воздало большие похвалы высоким достоинствам поэмы, и признала ее вполне согласной с духом и буквой священного писания.

Такое признание значения поэмы в буддийском мире не должно быть нами упущено из виду главным образом потому, что оно как нельзя лучше подтверждает чисто-литературное достоинство произведения. Эдвин Арнольд для этого именно вложил свою поэму в уста верующего буддиста, чтобы дать возможность верно уразуметь и правильно оценить буддийское миросозерцание. «Воспроизвести мысли буддистов с полной естественностью — говорит Э. Арнольд — возможно только, став на их же точку зрения». И в самом деле, в лице предполагаемого буддийского рапсода предстал перед нами правоверный поклонник Шакья-Муни и с полною простотою и безыскусственностью раскрыл перед нами свою взволнованную религиозным чувством душу.

В этой простоте и безыскусственности, в этой искренности и теплоте индийского певца для нас раскрывается только сила таланта и высокое искусство автора, который, как то видно из обращения к нему цейлонского духовенства, «не пользовался ни благодатью религии Шакья-Муни, ни общением с его последователями», как может, пожалуй, предположить тот, кто, прочитав поэму, примет плоды поэтического творчества за проявление наивной веры.

Особенности поэмы вполне объясняются, таким образом, занятою автором точкою зрения. Эпитеты, которые он прилагает к своему герою, именно и принадлежат к числу украшающих имя Будды у его поклонников, и весь ряд развертываемых автором фантастических картин взят из подлинных источников буддийского вероучения. Сохранение буддийского духа в блестящем пересказе легенд высокоталантливого автора «Света Азии» и придает поэме ту своеобразную прелесть, которая доставила ей столь громкую славу.

В. Лесевич

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сказание о спасителе мира, о господе Будде, именовавшемся в земной жизни князем Сиддхартхою; о том, кому ни на земле, ни на небе, ни в аду нет подобного по достоинству, мудрости, благости и милосердию; о том, кто научил Нирване и Закону.

Вот как некогда возродился он для человечества: под высшею сферою восседают четыре владыки, правящие миром. Ниже, но все же высоко лежат области, где трижды десять тысяч лет святые духи ждут нового возрождения. И господь Будда ждал в этих же небесах, когда на благо нам появились пять верных предзнаменований его рождения. И боги узнали их и сказали: «Будда нисходит вновь для спасения мира! — «Да будет так! сказал он, — я еще раз сойду, когда настанет время и принесу спасение миру». Рожденье и смерть окончатся для меня и для тех, кто узнает мой закон. Я сойду к сакьям, на южный склон снежных Гималаев, туда, где живёт благочестивый народ и справедливый царь».

В эту ночь царица Майя, супруга царя Суддходаны, разделявшая ложе его, увидела дивный сон. Ей приснилась на небе звезда, блистающая шестью лучами, в розовом сиянии. На ту звезду указывал ей слон с шестью клыками, белый как молоко. И та звезда, пролетев воздушное пространство, наполнив её своим светом, проникла в её недра.

Пробудясь, царица почувствовала блаженство, неведомое земным матерям. Кроткий свет прогнал с половины земли ночной сумрак; могучие горы затрепетали, волны стихли, цветы, открывающиеся лишь днём, зацвели, как в полдень. До самых глубоких пещер проникла радость царицы, как теплый солнечный луч, трепещущий в золотистой тьме лесов, в самые глубины земли достиг тихий шёпот: ***«О вы, усопшие, ждущие новой жизни, вы, живущие, долженствующие умереть, восстаньте, внимайте и надейтесь: Будда родился!»***

И от этих слов повсюду распространился несказанный мир, и сердце вселенной забилось, и чудно-прохладный ветер пролетел над землями и морями.

Когда на утро царица рассказала о своём видении, убелённые сединами снотолкователи объявили: *«Сон хорош: созвездие Рака теперь — в соединении с солнцем: царица на благо человечества родит сына, святого младенца удивительной мудрости: он или даст людям свет знания, или будет править миром, если не, презрит власть».*

Так родился святой Будда.

Когда пришло её время, Майя стояла в полдень во дворе дворца, под пальмой — деревом с могучим стволом, стройным и высоким как колонна храма, с кроной блестящих листьев и душистых цветов. Дерево знало, что время пришло, — все в мире знало об этом — и оно склонило свои ветви и

осенило ими величие царицы Майи; земля внезапно породила тысячи цветов для мягкого ложа, а соседняя скала брызнула струей прозрачной воды для омовения. И она безболезненно произвела на свет сына, на котором видны были в совершенстве все тридцать два знака святого рождения.

Великая весть об этом событии достигла дворца.

Но когда явился раскрашенный паланкин для перенесения его в дом, носильщиками оказались четыре стража земли, сошедшие с высот горы Сумеру — владыки, записывающие на железные скрижали все деяния людей:
- дух востока, чье воинство блещет серебряными плащами и жемчужными щитами;
- дух юга со своими кумбхандами, всадниками на синих конях с сафирными щитами;
- дух запада со свитой нагов, на багряных конях и с коралловыми щитами;
- дух севера, окруженный своими якшами, облеченными в золото, на желтых конях и с золотыми щитами.

Все эти могущественные боги сошли на землю и взялись за паланкин, приняв образ и одеяние простых носильщиков. В этот день боги ходили среди людей, хотя люди не знали о том.

Небо было исполнено радостью, оно знало счастье земли, оно знало, что Будда возродился.

Но царь Суддходана не знал о том.

Предзнаменования тревожили его, пока снотолкователи не объяснили, что должен родиться земной властитель Чакравартин, могущественный властитель из тех, что являются по одному в тысячелетие.

Семь даров получит он:

- чакраратну, божественный метательный диск;
- драгоценный камень асваратну;
- гордого коня, попирающего облака;
- белоснежного слона, созданного носить царя;
- искусного государственного мужа;
- непобедимого военачальника;
- наконец, истриратну, жену несравненной красоты, превосходную, утреннюю зарю.

И когда царь узнал про эти дары и увидел дивного младенца, повелел он, устроить в городе великое празднество. Все дороги были исправлены, улицы окроплены розовой водою, деревья украшены фонарями и флагами, для потехи народа созваны фокусники, фехтовальщики, колдуны, канатные плясуны, пращники, танцовщицы в блестящих нарядах с колокольчиками, звеневшими как веселый смех, вокруг их неутомимых ног. Потом маски в оленьих и медвежьих шкурах, укротители тигров, борцы, ловцы перепелов, барабанщики, дудочники, по данному знаку возбуждающие зрителей к веселью.

Много купцов собралось из дальних, стран, и все принесли богатые дары на золотых подносах:

- драгоценные шали;
- благовонные масла;
- нефрит;
- сандальное дерево;
- небесно-голубую бирюзу;
- ткани, столь тонкие, что, сложенные в 12 раз, они, не закрывали лица от нескромных взоров;
- одежды, вышитые жемчугом. Подвластные города прислали царю дани, и все называли царевича Савартхасид («преуспевающий») или, кратко, Сиддхартха.

Среди чужестранцев пришел святой седовласый старец, Асита, один из тех, чье ухо, давно закрытое для всего земного, внимало лишь небесным звукам. Молясь однажды под, деревом, он услышал песни богов, приветствовавших, рождение Будды. Долгая жизнь и подвиги воздержания умудрили его, вид его внушал такое почтение, что когда он приблизился, царь приветствовал его, а царица Майя велела положить младенца к святым ногам его. Но, увидев царевича, старец воскликнул:

«*Нет, не так, царица*!» И восемь раз преклонил, он изможденное лицо свое до самой земли и сказал: *«Младенец, я поклоняюсь тебе! Ты — Он! Я вижу розовый свет, вижу знаки на ногах, вижу на мягких его волосах завиток Свастики, вижу тридцать два главные священные знака и восемь меньших. Да, ты — Будда. Ты возвестишь закон и принесешь спасение всем, которые познают этот закон. Но я не услышу твоей проповеди, я, давно жаждавший смерти, скоро умру, но всё же я видел тебя! О, царь! Узнай, это цветок на дереве человечества, который в мириады лет расцветает лишь один раз, но, расцвев, наполняет всю Вселенную благоуханием мудрости и сладкими медом любви. От твоего царского корня возрос небесный лотос! Благословен твой дом! Но счастье его не полно! Из-за этого мальчика меч пронзит сердце твоё. Ты, кроткая царица, ради рожденного тобою стала сокровищем для всех богов и людей, ты слишком свята для новых страданий, а жизнь есть страдание, и потому через семь дней ты достигнешь безболезненного конца всех мук!»*

Всё сбылось, как сказал старец. На седьмой вечер царица Майя уснула с улыбкою на устах и не проснулась больше: с радостью переселилась она в небо Трайя-стринш[1], где бесчисленные боги поклоняются ей и окружают своими заботами лучезарную мать.

Для ребенка же нашлась кормилица царевна Магапражапати. Молоком ее груди питался тот, чьи уста, чье слово служит утешением миров.

---

[1] Небо *Трайя-стринш* есть небо тридцати двух богов – Индры и др.

Когда отрок достиг восьми лет, заботливый царь решил обучить его всему, что должен знать царский сын. Он все еще страшился сделанных ему предсказаний о чудесах, о славе и страданиях, ожидающих Будду. Поэтому, собрав вокруг себя всех своих советников, он их спросил:

— Скажите, кто всех мудрее? Кто может научить сына моего всему, что надлежит знать царевичу?

Каждый из них сказал ему:

— Царь! Всех мудрее—Висвамитра. Он проник всех глубже в тайны писания, он всех превосходит ученостью, знанием ремесел и всем прочим.

Висвамитра был призван и выслушал приказ царя. И вот, в благоприятный для начала учения день, взял царский сын доску из красного сандалового дерева, украшенную драгоценными камнями и усыпанную пылью наждака, взял ее, взял трость и стал, скромно опустив глаза, пред мудрецом.

И мудрец сказал ему:

— Дитя, напиши вот это!

И он медленно произнес: «Гайятри» — стих, который могут слышать одни лишь высшие по рождению.

- Ачарья, я пишу, - кротко сказал царевич.

Быстро вывел он по пыли святой стих, изобразил не одним, а многими начертаниями священный стих: Нагри и Дакшин, Ни, Мангаль, Пуруша, Ява, Тирти, Ук, Дарад, Сикьяни, Манна, Мадьачар; начертил его и на языке образов, и на языке знаков, на языке пещерных людей и приморских жителей, на языке поклонников живущих под землею змей и на языке поклонников огня и поклонников солнца, и на языке магов, и на языке горных жителей. Все различные письмена различных народов изобразил он своею тростью и прочел стих учителя на языках всех народов. И сказал Висвамитра:

— Довольно, перейдем к цифрам! Повторяй за мной, считай так, как я буду считать, пока дойдем до Лакх[1]: один, два, три, четыре, затем десятки, и сотни, и тысячи.

И вслед за ним назвал отрок единицы, десятки, сотни и не остановился на круглом лакхе; нет, он шептал дальше, до тех чисел, которыми можно счесть все, начиная от зерен на поле и до самой мелкой песчинки.

Потом он перешел к катхе, к счету звезд ночных, к кати-катхе, счету морских капель, и далее к счету песчинок Ганга и к счету, единицами которого изображается весь песок десяти лакх Ганга. Затем пошли еще более громадные числа: сумма всех дождевых капель, которые, при ежедневном дожде, упадут на всю вселенную в течение десяти тысяч лет, и, наконец, число, при помощи которого боги вычисляют свое прошедшее и будущее.

[1] *Лакха* значить сто тысяч.

— Хорошо, — сказал мудрец, — если ты, благородный царевич, знаешь все это, то не научить ли мне тебя измерению длины?

— О, Ачарья! Будь милостив, - смиренно отвечал отрок, — выслушай меня: десять параманусов составляют парасукшну, десять же парасукшн образуют трасарену, а десять трасарен—одну пылинку, играющую в луче солнца; семь пылинок равняются кончику усика мыши; десять кончиков усика мыши образуют ликью, десять же ликий — юку, а десять юк равняются сердцевине ячменного зерна, что семь раз уложится в перехват туловища осы; затем идет зерно манго, затем зерно горчицы и далее зерно ячменя; десять зерен ячменя равняются суставу пальца; двенадцать суставов составляют пядень; затем идет локоть, жезл, длина лука, длина копья; длина лука, взятая двадцать раз, называется «вздохом» и показывает пространство, какое может пройти человек, набрав воздух в легкие и ни разу не выдохнув его; сорок вздохов составляют округ; четыре округа равняются иожане. И, о! учитель, если желаешь, я пересчитаю, сколько атомов может уместиться в иожане от одного её конца до другого?

И затем, молодой царевич, ни мало не колеблясь, правильно определил сумму всех этих атомов. Но Висвамитра уже слушал, преклонив голову перед отроком.

— Ты, — вскричал он, — должен быть учителем своих учителей! Не я гуру, а ты! Я преклоняюсь пред тобой, о! царевич! Ты захотел учиться у меня только для проявления присущего тебе познания, не нуждающегося в помощи книг и совмещающегося с почтительным отношением к старшим!

И в самом деле, господь Будда выказывал почтение к своим учителям, хотя превосходил мудростью всех их. Речи его были смиренны и притом всегда разумны; вид величествен, хотя и кроток. Скромный, терпеливый, добродушный, он в то же время не знал страха. Смелее всех своих товарищей мчался он на коне за робкими газелями; всех быстрее несся он в своей колеснице по дворам дворца. Но среди веселой охоты юноша часто останавливался и давал возможность травимому зверю скрыться; на скачке он, почти выиграв приз, вдруг задерживал коня, если замечал, что усталость животного была чрезмерна, или что проигрыш может огорчить соперников, или если случалось, что какая-нибудь новая мысль внезапно овладевала его умом.

С годами сострадание все более и более росло в душе господа нашего: так из двух мягких листков вырастает большое дерево, широко распространяющее свою тень. А между тем царский сын знал только по имени печаль, горе, слезы, — все что цари никогда не испытывают и никогда не могут испытать.

Но вот в один весенний день над царским садом пролетала стая белых лебедей, направляясь к северу, к Гималаям, чтобы там свить себе гнезда. Прекрасные птицы сзывали друг друга песнями любви, и вся белая стая неслась к снежным вершинам, куда влекла ее любовь. Двоюродный брат

царевича, Девадатта, натянул лук и пустил стрелу, которая попала прямо под могучее крыло лебедя, летевшего впереди стаи, широко расправив крылья в голубом просторе небес. Он упал, и ярко-красные капли крови обагрили белые перья на том месте, куда попала злая стрела. Увидев это, царевич Сиддхартха осторожно взял птицу и положил ее себе на колени: он сидел в это время на скрещенных ногах, как сидит обыкновенно господь Будда. Ласками прогнал он страх прекрасной птицы, привел в порядок смятые перья ее, успокоил трепетавшее сердце, тихо гладил ее ладонью, нежной, как еле распустившийся листок райской смоковницы. Левая рука его держала лебедя, а правою он вытащил смертоносную сталь из раны и положил на нее свежих листьев и целебного меду. Чувство боли было до тех пор еще так неизвестно мальчику, что он из любопытства вонзил себе в руку острие стрелы; укол заставил его содрогнуться, и он, со слезами на глазах, стал снова ухаживать за птицей.

Но вот подошел слуга и сказал:

— Мой князь убил лебедя, который упал среди этих розовых кустов. Он велел мне просить тебя прислать ему птицу. Пришлешь ли ты ее?

— Нет, - отвечал Сиддхартха, — если бы птица была мертва, ее следовало бы отослать тому, кто убил ее. Но лебедь жив. Мой брат убил только божественную силу, действовавшую в белом крыле.

В ответ на это Девадатта сказал:

— Дикая птица, живая или мертвая, принадлежит тому, кто ее подстрелил. Пока она летала в облаках, она никому не принадлежала, раз она упала — она моя. Милый брат, отдай мне мою добычу!

Сиддхартха прижал шею лебедя к своей нежной щеке и торжественно произнес:

— Нет! Я говорю—нет! Птица мне принадлежит! Она первая из мириады существ, которые будут моими по праву милосердия, по праву любви! По тем чувствам, которые волнуют меня теперь, я знаю, что я буду учить людей состраданию, я буду представителем всего безгласного мира, я остановлю поток страдания не для одних только людей. Но если ты, князь, не согласен со мною, отдадим наш спор на решение мудрецов и подождем их приговора!

Так и было сделано. Полное собрание совета обсуждало их спор: один высказывал одно мнение, другой—другое; наконец, поднялся никому неизвестный священнослужитель и произнес:

— Если жизнь имеет цену, то живое существо должно бы принадлежать тому, кто спас его жизнь, а не тому, кто намеревался убить его; убийца губит и уничтожает жизнь, милосердный поддерживает и охраняет её. Отдайте же ему птицу!

И все нашли этот приговор справедливым.

Но когда царь стал искать мудреца, чтобы поклониться ему — он исчез: кто-то видел только, как змея выскользнула из комнаты.

Боги часто являются таким образом среди людей.

Так господь Будда положил начало своим делам милосердия.

До этой минуты царевич видел страдание только один раз: страдание подстреленной птицы, которая, впрочем, скоро выздоровела и весело вернулась к родной стае.

Но вот однажды царь сказал ему:

— Пойдем, мой дорогой сын, полюбуйся красотою весны, посмотри на усердие, которое прилагают люди к обработке плодоносной земли для того, чтобы она поделилась с пахарем своими дарами; посмотри на мои поля,— они будут твоими, когда для меня запылает костер — как они дают всякому пищу и наполняют житницы царя. Весна хороша своими свежими листьями, зеленою травою, яркими цветами, песнями этой рабочей поры.

И они отправились туда, где зеленели сады и шумели ручьи, туда, где тучную почву вспахивали тяжелые плуги, запряженные быками, на могучих плечах которых скрипели ярма. Плодоносная красная глина приподнималась и падала длинными, мягкими волнами вокруг плуга, тогда как работник ставил на него обе ноги, стараясь провести борозду сколь возможно глубже. А из-за пальм слышалось журчанье воды в роднике, и всюду, где протекал ручей, благодарная земля окаймляла его берега благоуханными цветами и стройными стеблями душистого тростника. Дальше виднелись сеятели, вышедшие сеять. В чаще весело щебетали птицы, сплетавшие себе гнезда. Рощи кишели мелкими животными—ящерицами, пчелами, жуками, пресмыкающимися, и все они наслаждались весною. Колибри блистали среди ветвей манго, пестрый рыболов носился над прудом, белые цапли гордо шагали по лугу, ястребы кружились в воздухе, павлины летали вокруг расписанного храма, сизые голуби ворковали на берегу ручья, а из отдаленной деревни барабанный бой сзывал народ на свадебный пир.

Все говорило о мире и довольстве, царевич видел это и был доволен.

Но вот, присмотревшись ближе, он заметил шипы на розах жизни. Он заметил, как загорелый крестьянин обливается потом, чтобы заработать плату, как он изнемогает, чтобы купить себе право жить, как он в знойные полуденные часы погоняет большеглазых быков и колотит их палкою по бархатистым бедрам; он заметил, что ящерица ест муравьев, а змея— ящериц; что змеи и ящерицы, в свою очередь, служат пищею коршуну; что рыболов отнимает добычу у зимородка, что балабан гоняется за соловьем, а соловей—за пестрокрылыми бабочками; что всюду всякий убивает убийцу и сам становится жертвой убийцы; что жизнь питается смертью.

Под красивою внешностью скрывается всеобщий свирепый, мрачный заговор взаимного убийства, все им охвачены от червя до человека, который убивает себе подобных. Когда он увидел все это: и голодного пахаря, и усталого быка с шеей, истертой ярмом, и общую жажду жизни, вынуждающую все живое к дикой борьбе, тогда вздохнул он глубоко.

— Неужели это,—сказал он, — та счастливая земля, которую вы хотели мне показать? Каким тяжелым потом омочен хлеб земледельца! Как утомительна работа вола! Какую ожесточенную войну ведет в лесу и сильный, и слабый! Сколько битв происходит и в воздухе! Даже вода не может служить убежищем! Отойдите от меня на время, дайте мне обдумать все то, что я теперь узнал!

Сказав это, сел милостивый господь Будда под деревом Джамбу, сел, скрестив ноги так, как его обыкновенно изображают на священных статуях, и начал в первый раз размышлять о страданиях жизни, об их источниках и о средствах помочь им. Сердце его наполнилось столь великим состраданием, столь широкою любовью ко всему живущему, столь страстным желанием облегчить общую скорбь, что силой этой любви, этого желания дух его перешел в состояние экстаза, и юноша очистился от всякого смертного ощущения и сознания и достиг, таким образом, «дхьяны», первой ступени на пути спасения.

В этот час пролетали пять священных духов (риши); крылья их затрепетали, когда они приблизились к дереву.

— Какая высшая сила заставляет нас уклониться с пути?- вопрошали они друг друга.

Духи чувствуют силу богов и святое присутствие чистых. И, взглянув вниз, увидели они Будду, увенчанного сиянием розовых лучей и погруженного в мысль о спасении мира. И услышали они голос бога, хранителя леса:

— Риши, это Спаситель мира! Спуститесь на землю и поклонитесь ему!

И лучезарные спустились, сложили крылья и пропели ему хвалебную песнь. Затем они снова поднялись и понесли богам благую весть.

Царь послал слугу искать царевича, и он нашел его по-прежнему погруженного в размышление, хотя полдень уже прошел, и солнце быстро склонялось за горы запада.

Все тени передвинулись, но тень дерева Джамбу оставалась недвижной и осеняла его, не давая косым лучам солнца коснуться священной главы.

И слуга, видевший это, услышал из розового куста:

— Не троньте царевича! Пока тень печали не оставит сердца его, моя тень не двинется с места!

КНИГА ВТОРАЯ.

Когда господь наш достиг восемнадцати лет, царь приказал построить для него три великолепных дома: один теплый, для зимы, был сложен из правильно отесанных бревен и обшит кедром; другой прохладный, для летней жары, был весь из мрамора; и третий из кирпича, выложенный синими черепицами, предназначался для весны. Дворцы эти назывались: Субха, Сурамма и Рамма.

Вокруг них цвели прелестные сады, журчали быстрые потоки, раскидывались благоухающие рощи с изящными беседками и красивыми полянами. Там мог нагуляться Сиддхартха вволю и каждый час мог он встречать новые для него удовольствия. Много провел он там счастливых дней юности,— поры, когда молодая кровь быстро струится по жилам, но тень раздумья не покидала его, подобно туче, омрачающей серебристую гладь озера.

Царь, заметив это, созвал своих министров:

— Вспомните, — сказал он, — что говорил старый риши, а также и то, что предсказали ранее снотолкователи: этот юноша, более дорогой для меня, чем кровь моего сердца, будет великим государем, он сокрушит всех врагов, он будет царем над царями! Эти слова запечатлелись в сердце моем! Или, может быть, он изберет печальный и смиренный путь самоотречения и благочестивых страданий, станет стремиться к неизвестному благу, потеряв все, что стоить хранить. К этому пути обращает он жадные взоры среди великолепий моих дворцов... Вы мудры, посоветуйте мне, как удержать его на той гордой стезе, по которой он должен идти, чтобы исполнить все предзнаменования, обещавшие ему власть над миром, если он не презрит власть. Старший из министров произнес:

— Великий государь! Любовь исцелит этот легкий недуг. Надобно, чтобы чары женщины пленили сердце царевича. Благородный юноша еще не знает, что такое красота, что такое глаза, заставляющие нас забывать небо, что такое поцелуй благоуханных уст. Окружи его очаровательными женщинами, прелестными участницами игр! Мысль, которую не сковать железными цепями, легко можно связать женским волосом!

Все советники одобрили это мнение, но царь сказал:

— Мы можем отыскать для него женщин, но, ведь, любовь выбирает не чужими глазами. Мы окружим его цветником красавиц, чтобы он мог сорвать любой цветок, а он улыбнется и отвернется от неизведанного им наслаждения.

Тогда проговорил другой:

— Колеблется стрелок, прежде чем спустить нацеленную стрелу. Царевича, как и менее высоких существ, очарует одна женщина, одно лицо блеснет ему райской красотой, один образ представится ему прелестнее утренней зари, пробуждающей Мир. Сделай, как я скажу тебе, государь! Устрой праздник, и пусть на нем все молодые девушки твоего царства со-

стязаются в красоте и телесных упражнениях, обычных в земле сакьев. Пусть царевич раздает награды красавицам, и когда прелестные победительницы будут проходить мимо него, мы заметим, которая из них прогонит облако печали с нежного чела его. Таким образом, предмет любви будет избран глазами любви, и мы заманим царевича в сети счастья.

Совет был принят. Назначили день и разослали глашатаев сзывать всех молодых, красивых девушек во дворец на состязание. Царевич должен был оделять их дорогими подарками, но самый дорогой отдать победительнице. На этот призыв девушки Капилавасту толпами направились к воротам дворца. Все они гладко причесали и перевязали свои черные волосы, подкрасили сурьмой ресницы, омылись свежей водой, облились благовониями. Все они надели самые нарядные платья и шали, разрисовали пурпуром нежные руки и ноги, и ярко подкрасили знаки, отмечавшие их лбы[1].

Чудное зрелище представляли эти молодые индианки, проходившие мимо трона с опущенными в землю черными глазами. Когда они увидели царевича, трепетавшие сердца их забились благоговением не к его высокому сану, а к тому бесстрастному спокойствию, которое возвышало его над всеми ими. Они принимали дары с опущенными ресницами, не осмеливаясь поднять на него глаз. Когда народ приветствовал красавицу, более других достойную царской улыбки, она, робкая как антилопа, едва касалась его милостивой руки и спешила скрыться в толпе подруг, страшась заслужить предпочтение того, кто казался слишком божественным и высоким, слишком святым, слишком возвышенным над ее миром. Так проходили, одна за другой, вереницы прелестных девушек, лучших цветов города. Уже прошли последние, все подарки были розданы, когда позади всех явилась молодая Ясодхара. Придворные, стоявшие около Сиддхартхи, заметили, что царевич вздрогнул при приближении лучезарной красавицы. Стан богини, походка Парвати, глаза — что глаза лани в весеннюю пору, лицо, очарование которого не изобразить словами — она одна посмотрела прямо в глаза юноше, она стояла пред ним, скрестив руки на груди, не склоняя гордой головы.

— Найдется ли подарок и для меня? – спросила она и улыбнулась.

— Я роздал все подарки, — отвечал царевич, — но взамен их, любезная сестра, чьей красой гордится наш город, возьми вот это!

И он снял с шеи изумрудное ожерелье и обвил зеленою цепью её смуглый стан; глаза их встретились, и пламя любви вспыхнуло в их сердцах.

Много лет спустя, во время полного просветления, ученики спросили господа Будду, почему, при первом, же взгляде на девушку из рода сакьев, так загорелось сердце его, и он отвечал:

— Мы не были так чужды друг другу, как это казалось и нам самим, и всем посторонним. В давно прошедшие века, сын одного охотника играл с

[1] В Индии и по настоящее время принадлежность к той или другой секте обозначается условным знаком, нарисованным на лбу.

лесными девами у истоков Ямуны, там, где стоит Нандадеви; они бегали наперегонки среди елей, словно зайцы на вечерней заре, а он был у них судьей, — одной он дал венок из астр, другой — из длинных перьев фазана, третьей — из еловых шишек. Но та, которая прибежала последнею, казалась ему первою. Ей подарил юноша ягненка ручной косули и свою любовь. Много счастливых лет прожили они в лесу, в лесу же пришла к ним и смерть, и даже она не разлучила их. Знайте, как после бездождья прорастает семя, много лет лежавшее скрытое в земле, так добро и зло, горе и радость, ненависть и любовь, все давно прошедшие дела возрождаются вновь, принося светлые или темные листья, сладкие или горькие плоды. Сын охотника — то был я, дева лесов - она. Колесо рождения и смерти свершило свой оборот, и то, что было когда-то, должно снова повториться!

Но те, которые наблюдали за царевичем во время раздачи подарков, видели и слышали все, и обо всем донесли царю; они рассказали, как рассеянно сидел Сиддхартха, пока не явилась дочь Супрабудды, Ясодхара; как при первом взгляде на нее он изменился; как они смотрели друг на друга; как он отдал ей драгоценное ожерелье и как красноречивы были их взоры. Добрый царь улыбнулся.

— Мы нашли приманку, — сказал он, — подумаем теперь, как нам заставить сокола спуститься ради нее с облаков. Надо послать послов просить для моего сына руки этой девушки.

Но, по обычаю сакьев, юноша, сватаясь за красивую, достойную любви, девушку из благородного дома, должен был, прежде всего, вступить в состязание со всеми ее прочими женихами. От этого обычая не могли отступать сами цари. И потому отец девушки сказал:

— Доложите царю: за мою дочь сватается много князей из ближних и дальних стран: если сын твой сумеет лучше их натягивать лук, владеть мечом и скакать на коне; если ему удастся превзойти всех их во всем, тогда и для нас он будет всех приятнее. Но как это может быть, если он ведет жизнь отшельническую?

Опечалилось сердце царя: напрасно было сыну его свататься за прелестную Ясодхару, не мог он состязаться с Девадаттой — первым стрелком, с Арджуной, укротителем самых свирепых коней, с Нандой, владеющим мечом как никто.

Но царевич тихо улыбнулся и молвил:

— Всему этому и я учился; возвести, что сын твой готов состязаться со всяким, кто пожелает! Надеюсь, что я не потеряю мою возлюбленную в этой борьбе!

Тогда царь велел возвестить, что на седьмой день царевич Сиддхартха приглашает всякого, кто желает, состязаться с ним во всех воинских упражнениях; Ясодхара будет наградой победителя.

В седьмой день все благородные сакьи из городов и сел собрались на майдан.

Ясодхара прибыла туда же со своими родными; ее везли, как невесту, с музыкой, в пестро-украшенном паланкине, запряженном золоторогими быками, убранными цветами.

Женихами ее объявились Девадатта, юноша царской крови, Нанда и Арджуна, оба благородного происхождения — цвет молодежи.

Царевич подъехал на своем белом коне, Кантаке, и конь заржал при виде такого множества чужих, незнакомых людей. Сиддхартха также смотрел с изумлением на весь этот народ, стоявший по рождению гораздо ниже трона, живший и питавшийся иначе, чем царь, и в то же время испытывавший, быть может, одинаковые с царем радости и страдания. Но когда царевич увидел юную Ясодхару, светлая улыбка осенила лицо его, он придержал шелковые поводья, спустился с широкой спины Кантаки на землю и вскричал:

— Тот не достоин этой жемчужины, кто не превзойдет всех! Пусть мои соперники покажут, был ли я слишком дерзок, притязая на ее руку!

Тогда Нанда предложил состязание в стрельбе из лука; он далеко поставил свой медный барабан, Арджуна сделал то же, а Девадатта поставил еще дальше, царевич же Сиддхартха попросил ставить свой барабан так далеко, что он казался не больше раковины. И они спустили стрелы: Нанда прострелил свой барабан, Арджуна— свой, а Девадатта метко пущенной стрелой попал в оба значка своей мишени, так что все присутствовавшие приветствовали его криками восторга, а прелестная Ясодхара опустила золотое покрывало на испуганные глаза, чтобы не видеть, как промахнется царевич, - а он, он схватил лук из лакированного камыша, с тетивой из сухожилий, скреплённых серебряной проволокой, тот лук, что могли согнуть лишь руки силача, повертел его, тихо улыбаясь, и натянул тетиву так, что оба конца сошлись, и толстое древко лопнуло.

— Это игрушка, не с этим бороться за любовь! — сказал он. — Нет ли у кого лука более пригодного для благородных сакьев?

— В храме с давних пор хранится лук Синхахану, — отвечали ему, — никто не мог до сих пор натянуть его, или, натянув, спустить!

— Принесите мне, — вскричал он, — это оружие, достойное воина!

Ему принесли древний лук, кованный из блестящей стали, с золотой оправой по обоим концам, согнутый наподобие рогов буйвола. Дважды попробовал Сиддхартха крепость его на своем колене и затем сказал:

— Пустите-ка стрелу из этого лука, братцы! Но ни один из них не мог согнуть ни на палец упрямый лук. Тогда, слегка нагнувшись, царевич согнул лук, без усилия вложил крюк в зарубку и так сильно натянул тетиву, что она, подобно крылу орла, рассекающего воздух, издала громкий, чистый звук.

— Что это такое? Что за звук? — спрашивали немощные, оставшиеся в этот день дома.

— Это звук лука Синхахану, — отвечали им, — царевич натянул его и готовится выстрелить.

Он выбрал крепкую стрелу, прицелился и спустил ее. Меткая стрела взвилась к небу, пронизала барабан, стоявший далее всех, но не остановилась в своем полете, а пронеслась дальше по равнине и скрылась из глаз.

После этого Девадатта предложил состязание на мечах; он рассек пальмовое дерево в шесть пальцев толщины, Арджуна — в семь, а Нанда — в девять; стояло дерево с двумя сросшимися стволами, меч Сиддхартхи рассек его одним молниеносным ударом, ударом таким метким и ловким, что обрубленные стволы продолжали стоять неподвижно, и Нанда вскричал: «Он промахнулся!». И Ясодхара снова задрожала при виде прямо стоявших деревьев. Но вот боги воздуха, наблюдавшие за всем, подули легким южным ветерком, и обе зеленые вершины, метко рассеченные, упали на песок.

После этого привели коней, породистых, ретивых, и три раза объехали соперники кругом майдана, перегоняя друг-друга, но белый Кантака оставлял далеко за собою самых лучших скакунов, он несся так быстро, что пока клок пены долетал из его рта до земли, он пробегал уже расстояние, равное длине двадцати копыт. Но тут Нанда сказал:

— С таким конем, как Кантака, каждый нас обгонит всех, приведите необъезженного коня, и посмотрим, кто лучше укротит его!

Слуги привели черного, как ночь, жеребца. Его держали на трех цепях, глаза его пылали, ноздри раздувались, грива развевалась по ветру. На нем не было ни подков, ни седла, до сих пор никто не садился на него. По три раза пытался каждый молодой сакья вскочить на его могучую спину, но конь приходил в ярость и каждый раз сбрасывал пристыженного ездока на песок. Одному только Арджуне удалось удержаться несколько минут, он велел снять цепи, ударил кнутом по черным бедрам, схватил умелой рукой узду и так крепко притянул челюсти коня, что дикое животное, вне себя от злобы и страха, обежало один раз вокруг ристалища, но вдруг оно обернулось с оскаленными зубами, схватило Арджуну за ногу, стащило на землю и, наверное, растоптало бы до смерти, если бы подоспевшим слугам не удалось снова накинуть на него цепи. Тогда народ закричал:

— Не давайте Сиддхартхе касаться этого злого духа, в его печени — буря, его кровь — красное пламя!

Но царевич сказал:

— Отпустите цепи, дайте мне взять его челку! Он взял коня за челку, спокойно подержал его, шепнул ему какое-то слово, положил ладонь на глаза его, тихо погладил его по свирепой морде, по шее, по вздымавшимся бедрам и, на диво всем, черный конь склонил гордую голову и стоял кротко, покорно, как бы признав владыку и преклоняясь пред ним. Он не шевельнулся, пока Сиддхартха садился на него, а потом пошел ровным шагом, повинуясь узде и движению ноги, так что все присутствовавшие закричали:

— Кончено состязание! Сиддхартха всех достойнее!

И все женихи согласились: «Он всех достойнее!» А Супрабудда, отец девушки, сказал:

— В глубине сердца мы всегда считали тебя достойнейшим, потому что для нас ты был всех милее. Каким-то волшебством ты среди роз твоих садов, среди твоих мечтаний приобрел ловкость воина в большей степени, чем другие на войне, охоте, в ручных работах! Бери же, прекрасный царевич, сокровище, которое ты приобрел как награду!

По его слову встала красавица индианка со своего места, взяла венок из цветов могры, опустила черно-золотое покрывало на лоб и, гордо пройдя мимо всех юношей, приблизилась к Сиддхартхе, божественная краса которого, как будто, приобрела теперь новый блеск от близости черного коня, покорно склонившего гордую шею под его рукою. Она смиренно поклонилась царевичу и открыла перед ним лицо свое, сиявшее радостною любовью; на шею его надела она свой душистый венок, на грудь его склонила свою прелестную головку и, опустясь к ногам его, произнесла с радостью:

— Возьми меня, царевич, я твоя!

И весь народ ликовал, когда они пошли вместе, рука об руку, с сердцами, бьющимися взаимною любовью. Черно-золотое покрывало ее было вновь опущено на лицо.

Значительное время миновало, настало просветление, ученики Будды стали спрашивать его обо всем и, между прочим, почему у нее было это черно-золотое покрывало, и почему шла она такою гордою поступью. Всепочитаемый отвечал им:

— Мне это было неизвестно, хотя казалось наполовину известным: колесо рождения и смерти обращается, и вместе с тем возвращаются давно прошедшие события и мысли, возрождаются давно погребенные жизни. Я вспоминаю теперь, что мириады лет тому назад я, в виде тигра, рыскал по лесам Гималайских гор вместе с подобными мне голодными полосатыми зверями. Я, Будда, я прятался в траве и блестящими глазами следил за стадами, которые паслись около моего убежища и приближались ко мне, не чуя смерти, а ночью, при звездах, я рыскал за добычей дикий, ненасытный, вынюхивая следы людей и зверей.

Среди животных, с которыми я сходился в то время, я встретил где-то в глубоком болоте или в густом тростнике тигрицу, самую красивую из всех самок, из-за которых бьются самцы. У нее была черная шкура с золотыми полосами, как то покрывало, которое Ясодхара надела для меня. У нас в лесу велись ожесточенные битвы зубами и когтями, а гордая тигрица лежала и смотрела, как мы терзали друг друга из-за обладания ею. И я помню, как, наконец, она, мурлыча, прошла мимо царей леса, побежденных мною, ласково облизала мои вздымавшиеся от усталости бедра и гордо последовала за мною в чащу предаться утехам любви. Колесо рождения и смерти вечно обращается сверху вниз, снизу вверх!

Итак, царевич получил девушку, добровольную награду за победу; и когда созвездия оказались благоприятными, когда Меша — Красный Олень — владычествовал над небом, отпраздновали брачный пир по обычаю сакьев. Поставили золотой трон, разостлали ковер, развесили брачные венки, перевязали молодым руки, разломили сладкий пирог, рассыпали рис, разлили розовое масло, спустили на подкрашенное молоко две соломинки, которые, сойдясь вместе, означают «любовь до смерти»; сделали три раза по семь шагов вокруг огня, раздали дары мужам, оделили нищих, принесли жертвы пропели мантры[1], связали вместе одежды жениха и невесты.

Тогда седовласый отец невесты сказал: «Многочтимый царевич! Та, что до сих пор была нашею, стала твоею; будь добр к ней, ее жизнь в тебе». После этого привели с пением и музыкой прелестную Ясодхару в объятиях царевича, и везде во всем царствовала любовь.

Но царь рассчитывал не на одну только любовь. Он велел соорудить для нее великолепную темницу, увеселительный дворец царевича Витрамван — чудо, подобного которому не было на земле. Среди обширных парков дворца возвышался зеленый холм, подножие которого омывал поток Рохини, бегущий со склонов Гималаев и несущий свою дань в воды Ганга. На юге рощи тамариндов и гряды густо разросшихся небесно-голубых цветов отделяли эту местность от всего остального мира, так - что городской шум долетал туда, как легкое жужжание пчел в кустах. На севере тянулись девственные уступы могучих Гималаев: они большими террасами возвышались в поднебесье, неприступные, бесконечные, волшебные: их обширные плоскогорья, их гребни и скалы, утесы, зеленые склоны, снежные вершины, ущелья и пропасти вели восходящую мысль все выше и выше, пока она, как будто, достигала неба и молча беседовала с богами.

Ниже области снегов тянулись темные леса, закутанные пеленой облаков, прорезанные бешеными водопадами, еще ниже зеленели рощи палисандровых и хвойных деревьев, где эхо повторяло крик фазанов, рев пантер, топот диких баранов и крики орлов, кружащихся в воздухе. Еще ниже расстилалась цветущая равнина, как роскошный молитвенный ковер, перед этим божественным алтарем. Прямо против этой панорамы строители воздвигли на вершине холма роскошный дворец; с каждой стороны его возвышались башни, кругом шла колоннада, а на столбах его были высечены сказания древних времен. Там виднелись Радха и Кришна и девы Лесов, Сита, Гануман и Драупади, а в средних воротах милостиво восседал, склоняя на бок свой хобот, бог Ганеша с диском и жезлом — податель мудрости и богатства.

[1] Мантры — молитвы в хвалебные песни, содержащиеся в Ведах

Извилистые дорожки вели через сад и двор к внутренним воротам из бело-розового мрамора, притолоки которых были из лазурита, порог — из алебастра, а резные и расписанные двери — из красного дерева. Через эти ворота, по великолепным лестницам и решетчатым галереям, очарованный путник проходил в величественные залы уютные комнаты; он ступал по разрисованным полам, среди колоннад, под сводами которых били фонтаны, окаймленные лотосом и розами; там, в прозрачных бассейнах, блестели красные, голубые золотые рыбы.

Большеглазые газели щипали свежераспустившиеся розы в залитых солнцем нишах; птицы, сверкая всеми цветами радуги, порхали по пальмам; зеленые и серые голуби вили гнезда на золоченых карнизах; по блестящей мозаике пола, распустив хвосты, расхаживали павлины, белые как молоко цапли, маленькие домашние совы; пестрые попугаи перелетали с одного плода на другой; желтые «солнечные» птицы порхали с цветка на цветок. Робкая ящерица без страха бегала по решеткам, греясь на солнце; белка смело брала пищу прямо из рук; всюду царствовал мир и спокойствие; пугливая черная змея, приносящая дому счастье, грела свои усталые кольца среди маргариток, на которых развелась выхухоль, а темноглазые обезьяны делали гримасы воронам.

Весь этот дом, этот приют любви, был населен приветливой прислугой, всюду встречались приятные лица, добродушная услужливость, слышались ласковые речи; всякий был рад, когда мог обрадовать, был доволен, когда доставлял удовольствие, гордился, когда исполнял приказание; жизнь текла там, как заколдованная, подобно тихому потоку, бегущему среди вечно свежих цветов, прекраснейшим из, которых была Ясодхара, царица этого заколдованного царства.

Внутри дворца, превосходя великолепием все его бесчисленные палаты, скрывалась горница, в которой искусство соединило все дивные чары для усыпления души. Входом в нее служила квадратная зала, сводом которой было небо; в середине был бассейн из молочно-белого мрамора, выложенный такими же плитами; края бассейна, ступени и карнизы были украшены агатом, и все было так холодно, что среди лета казалось, будто ступаешь на снег. Это место предназначалось для сладкой неги; лучи солнца осыпали его своим золотом, но, пробираясь под арки и в ниши, бледнели, как будто самый день останавливался и превращался в тихий любовный вечер перед дверьми спальни. Там, за этими дверями, была очаровательно-прелестная комната, чудо всего света!

Мягкий свет благовонных ламп проникал сквозь окна из перламутра и прозрачной ткани, усеянной звездами, и падал на золотые ковры, на шелковые подушки, на тяжелые, великолепные занавесы, за которые проникала одна только красота. Здесь нельзя было различить, когда день, когда ночь, здесь всегда лился особенно мягкий свет, более яркий, чем восходя-

щее солнце, более нежный, чем вечерний сумрак, вечно веял тихий ветерок, сладкий, как утренний воздух, свежий, как дыхание полуночи.

День и ночь там пели лютни, день и ночь подавались избранные кушанья и напитки, плоды, омоченные росой, шербет, замороженный в снегах Гималаев, тонкие сахарные печенья, сладкое кокосовое молоко в белых кокосовых чашах. День и ночь там прислуживали прелестные танцовщицы, кравчие, музыкантши, нежные чернобровые прислужницы любви. Они опахалами навевали сон на закрытые глаза царевича и, когда он просыпался, возвращали его к неге шепотом музыки среди цветов, прелестью любовных напевов, волшебными танцами, в которых звон колокольчиков сливался с нежным плесканием рук и звуком серебряных струн; благовония мускуса и чампаки, голубые пары курильниц с горящими пряностями успокаивали душу его, пока он снова не засыпал около красавицы Ясодхары.

Так жил Сиддхартха, погруженный в забытье. И сверх того царь повелел, чтобы за стенами его дворца никогда никто не поминал ни о смерти, ни о старости, ни о горе, ни о страдании, ни о болезни.

Если какая-нибудь из обитательниц этого царства любви начинала грустить, если облако печали туманило ее темные глаза, если ножка ее слабела в танцах, безвинную преступницу немедля удаляли из рая, чтобы царевич не успел почувствовать сострадания к ее печали.

Неусыпные надзиратели казнили всякого, кто осмеливался упомянуть о грубом внешнем мире, о мире страданий, болезней, слез и страха, о мире надгробных рыданий и мрачного дыма костров. Сребристая нить в косе танцовщицы или певицы считалась преступлением, каждый день обрывались все увядающие розы, обрывались желтеющие листья, удалялось от глаз все неприятное.

— Если, — сказал царь, — он проведет молодость вдали от всего, что наводит на размышление, если он перестанет углубляться в мысли, может быть, устранится его мрачное предназначение, слишком великое для человека, и я увижу, как он сделается всесветным царем, царем царей, главой своего века!

Вокруг этой прелестной тюрьмы, где любовь была тюремщиком, а наслаждение оградой, на дальнем расстоянии, скрыто от глаз, он велел воздвигнуть толстую стену с железными воротами, двери которых с трудом могла открыть сотня человек, при чем шум слышался за пол-иожаны[1]. Внутри стены были вторые ворота и за ними еще третьи.

[1] *Иожана* – мера длины, соответствующая одному дню пути.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

В этом тихом убежище счастья и любви жил господь наш Будда, ничего не слыша ни о печалях, ни о бедности, ни о страданиях, ни о болезнях, ни о старости, ни о смерти; но как иногда человек во сне блуждает по мрачным морям и утром пристает к берегу утомленный, привозя с собою странные вещи из этого тяжелого путешествия, так и он часто лежал подле Ясодхары, склонив голову на ее смуглую грудь, усыпленный ее нежными ласками, и вдруг вскакивал с криком: «Мой мир! О, мой мир! Я слышу! Я знаю! Я иду!»

— Что с тобою, государь?! спрашивала она, глядя на него широко-раскрытыми от ужаса глазами.

В эти минуты взоры его выражали неземное сострадание, а лицо казалось божественным.

Чтобы остановить ее слезы, он старался снова улыбнуться и приказывал музыке играть.

Однажды слуги поставили тыкву с натянутыми струнами на пороге дома, там, где ветер мог свободно перебирать струны и играть на них, что хотел. Нестройно зазвучали серебряные струны под напором ветра, и все слышали только эти нестройные звуки, но царевич Сиддхартха услышал музыку богов, и вот что пели они ему:

«Мы — голоса легкокрылого ветра, который вздыхает по покою и никогда не, может найти его. Знай! Каков ветер, такова и жизнь человеческая: вздох, стон, рыдание, буря, борьба. К чему, зачем мы созданы, ты не можешь знать, и не знаешь, откуда берется жизнь, к чему она приводит. Мы так же, как и ты, духи, рожденные из бездны пустоты! Какую радость приносит нам наше изменчивое страдание? Какую радость приносит тебе твое неизменное счастье?

Если бы еще любовь была вечна, можно бы найти в ней наслаждение, но жизнь подобна ветру, и все в ней лишь мимолетный звук на изменчивых струнах. О, сын Майи! Мы стонем на этих струнах, потому что мы блуждаем по земле; мы не пробуждаем веселья, потому что мы видим слишком много горя в разных странах, слишком много глаз в слезах, слишком много рук, молящих о пощаде. Мы и стонем, и смеемся над людьми: они не знают, что та жизнь, к которой они так привязаны, - пустой призрак; удержать ее так же невозможно, как остановить облако или сдержать рукой течение реки.

Но ты, предназначенный принести людям спасенье, — твое время близко. Печальный мир ждет тебя среди своих страданий, слепой мир содрогается от муки! Встань, сын Майи! Проснись! Не возвращайся в объятия сна! Мы — голоса странствующего ветра. Иди и ты, царевич, странствуй, чтобы найти покой; оставь любовь ради любви к любящим, брось роскошь, прими страдание, дай избавление! Перебирая серебряные струны, мы шлем свои вздохи тебе, еще неискушенному в опыте земных дел, мы говорим с тобою

и, пролетая мимо, смеемся над теми прелестными тенями, которыми ты забавляешься!»

В другой раз царевич сидел вечером среди своих придворных красавиц, держа за руку прелестную Ясодхару, а одна из девушек, чтобы скоротать сумерки, рассказывала старую сказку, сопровождая слова свои музыкой, поддерживавшей ее звучный голос, когда он ослабевал. Она говорила о любви, о волшебном коне, о чудных дальних странах, в которых живут бледнолицые люди, и где ночью солнце спускается в море. Он вздохнул и сказал:

– Читра своим прелестным рассказом напоминает мне пение ветра на струнах. Дай ей, Ясодхара, свою жемчужину в награду! Но ты, моя жена, скажи, неужели в самом деле свет так велик? Неужели есть страна, где видно, как солнце закатывается в морские волны? И есть ли сердца, подобные нашим, бесчисленные, неизведанные, несчастные, может быть, которым мы могли бы оказать помощь, если бы знали о них?

Часто, когда дневное светило начинает с востока свой величественный, усыпанный золотом, путь, — мне думается, кто же такой первый на краю света приветствовал появление его, кто эти дети востока? Часто, даже лежа на твоей груди, в твоих объятиях, дорогая жена, стремился я с тоской, при закате солнца, перенестись вместе с ним на пурпурный запад и жаждал взглянуть на народы, живущие в тех странах! Там, наверное, есть много людей, которых мы полюбили бы. Может ли быть иначе? Теперь, в этот час я испытываю мучительное стремление, — стремление, которого не прогонит даже поцелуй твоих сладких уст! О Читра! Ты, которая знаешь эту волшебную страну! Скажи, где добыть мне быстроногого коня твоей сказки? Я готов отдать мой дворец за один день езды на нем; я бы все ехал, ехал, пока не увидел всего необъятного простора земли... Нет, я бы лучше хотел иметь крылья молодого ястреба, наследника более обширного царства, чем мое; я бы вознесся на вершину Гималаев, туда, где розовый свет окрашивает снежные равнины, и оттуда пытливым взором оглядел бы все вокруг! Отчего я никогда ничего не видел, ничего не старался увидать? Скажите же, что находится за нашими железными воротами?

Один из придворных отвечал:

— Сначала город, славный царевич, храмы, сады, рощи; потом поля, потом опять поля с майданами, кустарником; потом идут владения царя Бимбисары; потом обширные земли с тысячами и сотнями тысяч людей.

— Хорошо, — сказал Сиддхартха, — велите Чанне запрячь мою колесницу, завтра в полдень я пойду и увижу все это!

Придворные донесли царю:

— Наш царевич, сын твой, приказывает заложить колесницу завтра в полдень, он хочет выехать из дворца и посмотреть людей.

— Так, — сказал царь, — пора ему увидеть их; но пошлите глашатаев, пусть они позаботятся, чтобы все было приведено в порядок, чтобы никакое неприятное зрелище не попало царевичу на глаза; пусть ни слепые, ни калеки, ни больные, ни старики, ни прокаженные, ни немощные не выходят из домов!

После этого приказа мостовая была вычищена, водоносы обрызгали водой все улицы, хозяйки посыпали пороги своих домов красным песком, украсили двери венками и букетами тюльпанов. Картины на стенах были подновлены, деревья увешены флагами, идолы покрыты золотом; на широких дорогах статуи бога Сурья и великих богов сияли среди зелени и алтарей. Весь город казался столицей какой-то волшебной страны.

Затем глашатаи с барабаном и гонгом громко провозгласили:

– Слушайте, граждане! Царь повелел, чтобы сегодня не видно было в городе ничего неприятного: пусть ни один слепой, увечный, больной, старый, прокаженный или немощный не выходит из дому. Тела умерших не должны сжигаться и даже выноситься из дому до вечера! Таково повеление Суддходаны!

Таким образом все было прибрано, все дома Капилавасту разукрашены, когда царевич выехал в город в расписанной колеснице, запряженной двумя белоснежными, откормленными быками с высокими горбами под резным лакированным ярмом.

Приятно было видеть радость, с какою народ приветствовал царевича; и Сиддхартха становился все веселее и веселее, при виде этой подвластной ему и в то же время любящей его толпы, одетой по-праздничному, смеющейся, как будто жизнь была для нее благом.

— Прекрасен этот мир и мне по душе, — сказал он, — как все меня любят! Как добры и веселы эти несановные и невластные люди; как милы тут мои сестры: все они трудятся или нянчат ребят. Что я им сделал? За что они так ласковы ко мне? Каким образом могут знать эти дети, что я их люблю? Пожалуйста, поднимите этого хорошенького маленького сакья, который бросает нам цветы, и пусть он покатается со мною! О, как хорошо царствовать в таком царстве, как наше! Как легко радовать людей, если они приходят в восторг от того только, что я выехал из дворца! Как у меня много лишнего, если даже в таких маленьких домиках есть все, что нужно для благополучия жителей целого города! Вези меня, Чанна, за ворота, мне хочется поближе познакомиться с этим очаровательным миром, так долго остававшимся мне совершенно неизвестным!

Они выехали за ворота в сопровождении радостной толпы, которая теснилась около колес экипажа или бежала впереди быков, бросая цветы; одни гладили белоснежных животных, другие приносили им рису и хлеба, все кричали: «Джей! Джей! Славный наш царевич!»

И далее, по воле царя, весь путь представлял одно только приятное зрелище, был полон одними только веселыми картинами; но вдруг из лачуги

около дороги вылез старый-престарый нищий, грязный, угрюмый, в лохмотьях; морщинистая, обожженная солнцем кожа висела, точно шкура животного, на его сухих костях, спина его согнулась под тяжестью долгих лет, веки покраснели от многих пролитых слез, глаза потускнели, беззубые челюсти дрожали от паралича и от страха при виде такой толпы и таких ликований. Одною исхудалою рукою опирался он на ветхий посох, поддерживая им дрожавшие члены, другую прижимал к груди, из которой едва-едва выходило тяжелое прерывистое дыхание.

— Подайте нищему, добрые люди! — простонал он, — я уже при смерти!

Удушливый кашель не дал ему договорить, но он все же оставался с протянутой рукой и из последних сил продолжал повторять:

— Подайте нищему, добрые люди!

Те, что стояли ближе к нему, столкнули его с дороги, говоря:

— Царевич!.. Разве не видишь!?.. Убирайся в свою лачугу!

Но Сиддхартха закричал:

— Оставьте его, оставьте его!.. Чанна! Что это за существо, похожее на человека, но, конечно, только похожее? Человек не может быть таким дряхлым, несчастным, страшным и удрученным! Разве когда-нибудь люди родятся такими? Что значат его слова: «я при смерти»? Отчего он так исхудал, разве ему нечего есть? Какое горе постигло этого несчастного?

Возница отвечал:

— Милостивый царевич! Ты видишь просто старого человека. Несколько десятков лет тому назад он держался прямо, глаза его блестели, он был здоров; жестокие годы высосали из него все соки, разрушили его силу, унесли его волю и рассудок; масло его светильника выгорело, теперь мерцает один только черный фитиль; в нем осталась одна только слабая искра жизни, она лишь вспыхивает перед угасанием. Такова старость, стоит ли нашему высочеству обращать на него внимание?

Тогда спросил царевич:

– Но скажи, бывает ли то же и с другими, со всеми, или редко кто становится таким, как этот?

— Высокий повелитель! — отвечал Чанна, – такими как он сделаются все люди, если проживут столько же!

— Но, — спросил царевич, — если я проживу столько же, буду ли я таким же, и если Ясодхара доживет до восьмидесяти лет, будет ли она так же стара, и Джалини, и маленькая Хаста и Раутами, и Гунга, и все другие?

— Да, великий государь! — отвечал возница. Тогда сказал царевич:

– Поверни назад и вези меня домой! Я видел то, чего не ожидал увидеть!

Сиддхартха возвратился в свой великолепный дворец, не переставая размышлять об увиденном; душа его была печальна, лицо выражало

грусть; он не попробовал сладких яств и плодов, приготовленных к вечерней трапезе, ни разу не взглянул на лучших придворных танцовщиц, старавшихся развеселить его. Он не говорил ни слова, и только когда опечаленная Ясодхара упала к ногам его и, рыдая, спросила:

— Неужели я не могу утешить моего господина?

Он грустно ответил ей:

— О, дорогая, ты для меня – великое утешение, и душа моя болит, когда я думаю что утешению этому должен наступить конец! А конец придет, мы оба состаримся, Ясодхара! Мы потеряем любовь, мы ослабеем, одряхлеем, сгорбимся! Если бы мы, стараясь удержать жизнь и любовь, соединили наши уста так крепко, что день и ночь дышали бы одним дыханием, время все-таки прокралось бы между нами и уничтожило бы мою страсть и твои прелести, подобно тому, как черная ночь уничтожает розовый свет горных вершин, незаметно превращая их в серые. Это узнал я, и сердце мое омрачено ужасом, и сердце мое поглощено мыслью о том, как спасти сладость любви от убийцы времени, превращающего людей в дряхлых стариков.

И всю ночь просидел царевич без сна, не зная покоя.

И всю эту ночь царю Суддходане снились тревожные сны. В первом сне, он увидел большое, красивое знамя с золотым солнцем знаком Индры – посередине; подул сильный ветер, разорвал его и бросил на землю; явилась толпа теней, схватила клочки шелковой ткани и унесла их на запад от городских ворот.

После этого ему приснились десять огромных слонов с серебряными клыками: они били ногами о землю и торжественным шествием направлялись по южной дороге; на переднем слоне сидел царевич, другие следовали за ним.

В третьем сне ему представилась колесница, блестевшая ослепительным светом, запряженная четырьмя конями, которые дышали белым паром и брызгали огненной пеной; в этой колеснице сидел царевич Сиддхартха.

В четвертом сне он увидел вертящееся колесо; ступица его горела золотом, спицы были из драгоценных камней, странные письмена покрывали его обод; оно вертелось, и вращение его казалось в одно и то же время музыкой и огнем.

В пятом видении ему явился огромный барабан, стоявший на полдороге между городом и горами; царевич бил по нему железной дубиной, и грохот, подобный ударам грома, раздавался по небу и земли.

В шестом сне царь увидел башню, которая поднималась все выше и выше над городом, пока ее величественная вершина не засияла в облаках, и на этой вершине стоял царевич, бросая во все стороны драгоценные камни самых ярких цветов, точно дождь гиацинтов и рубинов: и все люди собирались и старались схватить эти сокровища, падавшие на все четыре стороны света.

В седьмом сне он услышал вопли и увидел шестерых людей, плакавших, скрежетавших зубами, закрывавших рот руками и уходивших в отчаянии.

Вот какие семь снов привиделись царю, и ни один из самых мудрых снотолкователей не мог объяснить ему их значение. Царь разгневался и сказал:

— Несчастье грозит моему дому, и нет среди вас ни одного мудреца, который помог бы мне узнать, какое предзнаменование послали мне великие боги!

Печаль распространилась по всему городу, так как царь видел семь страшных снов, которых никто не мог растолковать. Но вот, к воротам подошел старик, одетый в звериные шкуры, по-видимому, пустынник, никому неизвестный; он воскликнул:

— Сведите меня к царю, я могу объяснить его сновидения!

Услышав семь таинственных полуночных снов, он почтительно поклонился и сказал:

— О, махараджа, я поклоняюсь этому благословенному дому, из которого произойдет свет более яркий, чем свет солнца! Знай: все эти семь страшных видений означают семь радостей; первое — широкое великолепное знамя со знаком Индры, брошенное на землю и унесенное прочь, означает конец старой веры и начало новой: боги так же изменяются, как люди; как минуют дни людей, так пройдут, наконец, и века богов. Десять огромных слонов, тяжелою поступью потрясавших землю, означают десять великих даров мудрости, под влиянием коих царевич покинет свое государство и потрясет мир провозглашением истины.

Четыре коня, изрыгающие пламя — это четыре добродетели, которые приведут сына твоего от сомнения и мрачных мыслей к радостному свету. Вращавшееся колесо с блестящей золотой ступицей — это драгоценное колесо совершенного закона, колесо, которое сын твой пустит в обращение на виду всего мира.

Огромный барабан, в который царевич бил так, что шум слышался во всех землях, означает гром проповеди слова, которые он провозгласит.

Башня, возвышавшаяся до неба — это распространение благовестия Будды драгоценные камни, которые он бросал — это неописуемое сокровище истинного закона, дорогого, желательного как для людей, так и для богов. Вот значение башни.

Что касается тех шести, которые плакали, закрывая себе рот, то это шесть главных учителей, которых сын твой яркою правдою и неоспоримыми доводами убедит в их заблуждениях. О, царь, возрадуйся! Владения царевича обширнее всякого царства, его рубище отшельника предпочтительнее драгоценных золотых одежд. Вот что означали твои сны! Через семь дней и семь ночей начнется исполнение этих предзнаменований.

Так говорил святой человек и смиренно положил восемь поклонов, три раза коснувшись земли; затем он повернулся и вышел; но когда царь послал во след ему богатый дар, посланные вернулись и сказали:

– Мы вошли за ним в храм Чандры, но там никого не было, кроме серой совы, которая вылетела из святилища.

Так иногда являются боги.

Опечаленный царь подивился всему этому и приказал устроить новые развлечения для привлечения сердца Сиддхартхи к танцовщицам его увеселительного замка; в то же время он удвоил стражу у всех железных ворот.

Но кто может заградить путь судьбе?

Душу царевича снова стало волновать желание увидать свет за воротами дворца, жизнь людей, которая была бы такою приятною, если бы волны ее не стремились к бесполезному и горестному концу в сухих песках времени.

— Дозволь мне, умоляю тебя, посмотреть на наш город в его настоящем виде просил он царя Суддходану. — Ты в своей нежной заботливости приказал народу удалить все неприятное и будничное, разукрасить улицы, представиться веселыми, чтобы радовать меня; но я узнал теперь, что не такова повседневна жизнь; если бы я стоял ближе к царству и к тебе, отец, я желал бы увидеть народ и улицы в их простой, обычной обстановке, в их будничных занятиях, узнать, какою жизнью живут все эти люди, не причастные власти. Позволь мне, дорогой государь, выйти тайно из моих счастливых садов; я вернусь в их мирное убежище более довольным, а если и не более довольным, то более мудрым. Отец! Прошу тебя, дозволь мне завтра свободно погулять по улицам в сопровождении моих слуг!

Царь сказал в совете своих министров:

— Может быть, эта вторая прогулка поправит зло, причиненное первою. Заметьте, как пугливо озирается сокол, когда его расклобучат[1], и какими спокойными глазами глядит он, когда привыкнет к свободе; пусть сын мой осмотрит все, но необходимо сообщить мне после, каково будет его душевное настроение!

И вот на следующий день, когда полуденный жар спал, царевич и Чанна были пропущены за ворота, по приказанию царя; однако же слуги, которые двигали тяжелые затворы, не знали, что под одеждою купца скрывался царевич, а под нарядом писца— его возничий. И они пошли пешком обыкновенной дорогой, мешаясь с сакийскими гражданами, наблюдая в городе и грустные и веселые картины. Пестро-раскрашенные улицы оживлялись дневным шумом: купцы сидели, скрестив ноги, среди куч зернового хлеба и пряностей; покупатели, побрякивая кошельками, наполненными деньгами, присматривали товар, стараясь купить подешевле то одно, то другое; там слышались крики возниц, предостерегавшие прохожих, тут раздавался шум

[1] Клобук – наглазник в виде шапочки

каменных колес; далее сильные быки медленно тащили звенящий груз; носильщики паланкинов громко пели; широкогрудые верблюды грелись на солнце; хозяйки несли воду из колодцев в качающихся ведрах и тащили черноглазых ребятишек; мухи роились вокруг лавочек с лакомствами; ткач сидел за своим станком и скрипел челноком; жернова мололи муку; собаки подбирали объедки; кузнец накаливал кирку вместе с копьем; в школе сакийские маленькие дети пели мантры и заучивали имена больших и малых богов, чинно сидя полукругом вокруг своего гуру; красильщики вытаскивали из чанов разные материи —оранжевые, красные, зеленые — и раскладывали их для сушки на солнце; солдаты проходили, гремя щитами и мечами; погонщики покачивались на горбах своих верблюдов; брамины смотрели гордо, кшатрии — воинственно, работящие шудры — смиренно.

Здесь собралась толпа вокруг болтливого укротителя змей, который обвивал руку гадами и ехиднами, точно браслетами, или заставлял плясать под звуки волынки очковую змею. Там длинная процессия барабанщиков и трубачей с ярко расписанными конями и шелковыми балдахинами провожала домой молодую невесту; тут жена, намереваясь вымолить благополучное возвращение мужа из дальнего путешествия или рождение сына, несла в храм печенье и цветы; тут же, рядом с лавками, смуглые медники шумно колотили по металлу, выделывая из него лампады и кувшины. Затем пришлось обогнуть стены храма и через ворота дойти до реки и моста, перекинутого через реку у городских ворот.

Едва они перешли мост, как вдруг в стороне от дороги послышался жалобный вопль:

— Помогите, господа, помогите подняться! Ах, помогите, или я умру, не дойдя до дому!

Какой-то несчастный, пораженный смертельною болезнью, стонал и корчился, валяясь на дороге в пыли; он был покрыть красными пятнами, холодный пот струился у него по лбу, рот его был искривлен нестерпимою болью, блуждающий взор выражал страдание. Он хватался за траву, пытаясь привстать, приподнимался наполовину, и снова падал; слабые члены его дрожали, из груди вылетал крик ужаса:

— Ах, какое мучение! Добрые люди, помогите! Сиддхартха подбежал к больному, приподнял его нежными руками, положил голову его к себе на колени, и, стараясь успокоить его ласками, спросил:

— Брат мой, что с тобою? Какая беда постигла тебя? Отчего ты не можешь встать? Отчего это, Чанна, он так стонет и охает, и напрасно силится говорить, и так жалобно издыхает?

Возничий отвечал:

— Великий государь! Этот человек поражен какою-то болезнью; все части его в расстройстве; кровь, которая текла прежде рекой по его жилам, теперь кипит и волнуется; сердце, которое билось ровно и спокойно, стучит

теперь то быстро, то медленно, как барабан под неумелой рукой; мускулы его ослабели, как ненатянутые струны; сила оставила его ноги, поясницу и шею; вся телесная красота и радость покинули его; это больной в припадке! Смотри, как он мечется в борьбе с болезнью, как он вращает налившимися кровью глазами, как он скрежещет зубами, как тяжело дышит, точно задыхаясь от смрадного дыма! Видишь, он рад бы скорее умереть, но не умрет до тех пор, пока болезнь не кончит своего дела, пока не убьет его нервов, которые умирают прежде всего остального тела: когда жилы его лопнут в борьбе со смертью, и кости станут нечувствительны к боли, тогда чума покинет его и перейдет к кому-нибудь другому. О, государь, ты дурно делаешь, что держишь его! Болезнь может перейти и заразить тебя, даже тебя!

Но царевич продолжал успокаивать больного.

— А есть еще другие, много других, которые страдают так же? — спросил он — и неужели я могу заболеть, подобно ему?

— Великий государь, — отвечал Чанна. — болезнь приходит под разными видами ко всем людям: увечья и раны, тошнота и сыпь, паралич и чума, горячка и водянка, кровотечение и нарывы — все эти болезни поражают всякое тело и всюду проникают!

— А эти болезни приходят незаметно? — спросил царевич?..

- Они подкрадываются подобно скользкой змее, жалящей незаметно, — отвечал Чанна, —подобно полосатому убийце, скрывающемуся в чаще и выскакивающему из-за куста карунды; подобно молнии, убивающей одного и случайно щадящей другого!

— Значит, все люди живут под постоянным страхом?

— Да, непременно, государь!

— И ни один не может сказать: я засыпаю ночью здоровым, невредимым и таким и проснусь?

— Ни один!

— А следствием всех этих болезней, подкрадывающихся невидимо, неотразимо является ослабевшее тело и опечаленная душа, а там уж приходит и старость?

— Да, если человек доживет до нее!

— Но если человек не может вынести своего страдания или не хочет приблизить конец его; или если он, как этот человек, ослабеет до того, что может только стонать и, страдая, живет, и становится все старее и старее — что же с ним станется, наконец?

— Он умрет, государь!

— Умрет?

— Да, в конце концов, тем или иным путем, под тем или другим видом, в тот или иной час приходит смерть: немногие доживают старости, большинство страдает и умирает от болезней, но всем приходится умереть, — смотри, вон несут мертвеца!

Сиддхартха поднял глаза и увидел толпу народа, направлявшуюся к берегу реки; впереди несли сосуд с горящими углями; сзади шли родственники с обстриженными волосами, в траурных одеждах, без поясов, оглашая воздух криками: «О, Рама, Рама! Внемли! Призывайте Раму, братья!». Затем следом носилки, состоявшие из четырех брусьев, переплетенных бамбуковыми ветвями, а на них лежал, вытянув ноги, мертвец, неподвижный, окоченелый, с отвислою челюстью и закатившимися глазами, с провалившимися боками, с зубами, натертыми красным и желтым порошком. Люди, которые несли носилки, повернули их на все четыре стороны света, при криках «Рама! Рама!» поднесли тело к костру, поставленному на берегу реки, здесь положили его; затем стали подкладывать горючий материал.

Спокойно спит тот, кто лежит на этом ложе! Его не разбудит холод, хотя он лежит раздетый на открытом воздухе!

Со всех четырех сторон костра занялось красное пламя, оно поднималось, лизало дерево, разгоралось, питаясь телом покойника, и пожирало шипящими языками, пепелило его кожу, разламывало суставы; мало-помалу, густой дым стал тоньше, на земле, лежала куча красного и серого пепла, среди которого там и сям белели кости, — вот все, что осталось от человека! Тогда царевич спросил:

— Неужели такой конёц ожидает всякого?

— Такой конец ожидает всякого, — отвечал Чанна, — тот, который лежал на костре и от которого осталось так мало, что вороны каркают над ним с голода и улетают, не находя добычи, тот человек ел, пил, смеялся, любил, жил и любил жизнь. Но вот подул смертоносный ветер или несчастному случилось поскользнуться на дороге, не то из пруда поднялись дурные испарения, змея ужалила его, или острие алой стали вонзилось в него, или холод охватил его, или он подавился рыбьей костью, или черепица упала на него — и жизнь исчезла, и человека не стало!

Он не ощущает более ни желаний, ни радостей, ни страданий, ни сладости поцелуя; его не жжет пламя, испепеляющее его тело, он не обоняет запаха сжигаемого на костре собственного своего тела; ни дыма сандального дерева, ни курения горящих благовоний; во рту у него нет вкуса, в ушах — слуха, зрение его померкло; тот кого он любил, горько плачут, а тело его, бывшее светочем жизни, предается огню, чтобы не сделаться добычей червей. Такова судьба всякого тела! Высокий и низкий, добрый и злой — все должны умереть, а затем — как говорят знающие более нас — должны снова возродиться и жить где-то, как-то, кто знает? Опять начнутся страдания, разлука, горящий костер—таков круговорот человеческой жизни!

Сиддхартха поднял к небу глаза, блестевшие божественными слезами; глаза, загоревшиеся небесным состраданием, он опустил к земле; он обращал взоры с неба на землю и с земли на небо, как будто дух его в своем полете искал какого-то далекого видения, показывающего связь между зем-

лей и небом, видения утерянного, исчезнувшего, но желанного, когда-то знакомого. Вдруг лицо его загорелось пламенною страстью невыразимой любви, горячей, безграничной, ненасытной надежды..

«О, страдающий мир! — воскликнул он. — О, вы, известные и неизвестные мне братья по плоти, вы, попавшие в эту общую сеть смерти и печали, — в сеть жизни, приковывающей вас к смерти и печали! Я вижу, я чувствую бездну страданий земли, суету ее радостей, пустоту ее благ, терзание зол. Радость приводит к страданию, молодость к старости, любовь к разлуке, жизнь – к отвратительной смерти, а смерть к неизвестным жизням, которые снова приковывают человека к своему вечно обращающемуся колесу и заставляют его катить это колесо ложных наслаждений и не ложных печалей. И я был обольщен этой приманкой, и мне казалось приятным жить, и мне жизнь являлась светлым потоком вечно-текущим в неизменном мире; а между тем безрассудные струи потока весело несутся среди цветов и лугов только затем, чтобы скорее влить, свои прозрачный воды в мутное соленое море! Покров, ослеплявший меня, сдернут!

Я таков же, как все эти люди, которые взывают к своим богами, которым боги не внемлют или которыми они пренебрегают, а между тем должна же явиться помощь для них и для меня, и для всех! Может быть, сами боги нуждаются в помощи, если они настолько слабы, что не могут спасти, когда печальные уста взывают к ним! Я не допустил бы ни одного человека взывать ко мне напрасно, если бы мог спасти его! Как же это возможно, что Брахма создал мир и предоставляет ему бедствовать?! Если он всемогущ, зачем же покидает он его? Или он не благ?.. А, если он не всемогущ, то он не бог!.. Чанна, вези меня назад домой, домой! Довольно! Я видел все, что мне нужно!»

Узнав обо всем этом, царь поставил к воротам тройную стражу и приказал, чтобы ни один человек не входил в них и не выходил из них ни днем, ни ночью, пока не минует срок, назначенный в его сновидениях.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

И когда исполнились дни, настало время господу Будде покинуть свой дом, как то и долженствовало быть, и горе посетило золотой дворец, царя и всю страну, близилось время искупления для всякой плоти, время закона, дающего свободу всякому, кто его принимает.

Тихо спустилась на равнину индийская ночь в новолуние месяца Чайтра-Шэд, когда краснеют плоды манго и цветы асоки наполняют воздух благоуханием, когда празднуется день рождения Рамы, и все ликует — села и города. Благоухая цветами, сверкая звездами, принося прохладный ветерок со снежных вершин Гималаев, тихо спустилась эта ночь на Витрамван; луна взошла над восточными вершинами гор, поднялась по звездному небосклону, осветила струи Рохини, холмы, долины – всю спящую страну — и озарила крыши увеселительного дворца, ничто не шевелилось, — все было погружено в сон.

У одних только наружных ворот бодрствовала стража; она перекликалась и на пароль «Мудра» отвечала лозунгом «Аягана» и шла дозором, ударяя в барабан среди всеобщей тишины, прерываемой лишь ревом жадных шакалов да немолчным стрекотанием сверчков.

Внутри дворца лунный свет, проникая чрез сквозные прорези каменных, балюстрад и освещая перламутровые стены и мраморные полы, падал на целый рой индийских красавиц, казавшихся богинями, отдыхающими в райских чертогах.

Тут были самые блестящие и самые преданные из придворных царевича; каждая из этих спящих красавиц представлялась такой очаровательной, что казалось, будто именно про нее можно было сказать: «вот превосходнейшая из жемчужин!», если бы только взор не переносился сейчас же на ее соседку.

Казалось, что каждая была прекраснее всех остальных, и очарованный этим сонмом красавиц взгляд перебегал от одной к другой, подобно тому, как, при виде множества драгоценностей, он перебегает от одной к другой, пленяясь каждой, пока не увидит другую тут же рядом.

Они лежали в небрежно-грациозных позах, полуобнажив свои смуглые, нежные тела. Блестящие их косы или придерживались золотом и цветами, или падали черными волнами на стройные шеи и спины; они, не знающие утомления, спали, убаюканные веселыми играми, как пестрые птички, которые целый день поют и любят, потом завернут голову под крылышко и дремлют, пока утро призовет их к новым песням, к новой любви.

Тяжелые серебряные лампады, наполненные благовонным маслом, спускались с потолка на серебряных цепях и, смешивая свой мягкий свет со светом луны, позволяли ясно разглядеть все совершенство формы спящих красавиц: тихо вздымавшуюся грудь, слегка подкрашенные, сложенные или опущенные руки, красивые смуглые лица, густые дуги бровей, полураскры-

тые губы, зубы, подобные жемчужинам, подобранным для ожерелья, атласные веки глаз, длинные ресницы, падавшие тенью на нежные щеки, пухлые пальчики, крошечные ножки, украшенные браслетами и колокольчиками, издававшими тихий звук при всяком движении спящей и прерывавшими ее веселую грезу о новой пляске, заслужившей похвалу царевича, или о каком-нибудь волшебном кольце, или каких-нибудь иных чарах любви.

Одна из красавиц спала, подложив свою многострунную вайну под щеку, держа пальчики на струнах, как будто убаюканная последними нотами легкой песенки; другая обнимала степную антилопу, положившую свою красивую головку к ней на грудь: антилопа ела, когда они обе вместе заснули, — девушка еще держала в раскрытой руке полуощипанную розу, и розовый лепесток виднелся на губах животного.

Две подруги задремали вместе, сплетая венки могра; и гирлянды цветов связывали их одну с другой, сердце к сердцу, стан к стану; одна склонила голову на ложе, усеянное цветами, другая — на плечо подруги.

Одна перед сном нанизывала ожерелье из агатов, ониксов, сердоликов, кораллов, сардониксов — теперь оно блестело пестрым браслетом вокруг руки, в которой она держала приготовленное для него запястье из зеленой бирюзы с изображениями богов и надписями.

Убаюканные мерным шумом ручья, они лежали на мягких коврах, точно девственные розы, свернувшие лепестки в ожидании зари, когда они распустятся и украсят собою свет нового дня.

Такова была смежная со спальней горница царевича. Около самой занавеси, разделявшей эти две комнаты, лежали две прелестнейшие красавицы— Гунга и Гаутами, две главные жрицы в этом мирном храме любви.

Голубая с пурпурными полосами занавесь, затканная золотом, прикрывала двери красного дерева. через которые по трем ступенькам можно было подняться в роскошнейший альков[1], где под балдахином из серебристой ткани стояло брачное ложе, мягкое, как груда нежных цветов.

Стены здесь были искусно выложены перламутром, добытым в водах, омывающих Ланку[2] алебастровый потолок был покрыт цветами лотоса и птицами из лазурита, яшмы, нефрита и гиацинта. Вокруг потолка, по стенам и карнизам проделаны были решетчатые окна, через которые вместе с лунным светом и прохладным ветерком вливались ароматы цветов и жасминных ветвей; но ничто извне не могло сравниться красой и нежностью с обитателями этого убежища, прекрасным сакийским царевичем и стройною, блистающею красотой, Ясодхарою.

Полупривстав в своем мягком гнездышке, спустив с плеча покров и закрыв лицо руками, прелестная царевна тяжело вздыхала и плакала горь-

[1] Альков - большая ниша, углубление в стене, напр. для кровати

[2] Ланка - Цейлон

кими слезами. Три раза коснулась она губами руки Сиддхартхи и при третьем поцелуе простонала:

— Проснись, государь! Успокой меня своим словом!

— Что с тобою, жизнь моя? спросил он.

Она ответила лишь новым стоном, пока не смогла наконец, заговорить.

— Увы, мой повелитель, — сказала она, — я заснула вполне счастливою, так как сегодня вечером я дважды почувствовала под сердцем биение жизни, радости, любви, — приятную музыку, убаюкавшую меня, но — о горе! во сне мне представились три страшные видения, от которых до сих пор бьется мое сердце! Мне пригрезился белый бык с широко-раскрытыми рогами — краса пастбищ, — шедший по улицам; на лбу у него был драгоценный камень, сиявший как яркая звезда, или как тот камень кантха, посредством которого Великий Змей производит дневной свет в подземном царстве. Тихо шел он по улицам к воротам и никто не мог остановить его, хотя из храма Индры и послышался голос: «Если вы не остановите его, слава этого города погибнет!» — но никто не мог удержать его. Тогда я громко зарыдала и обвила руками его шею, и боролась с ним, и приказывала людям загородить ворота; но бык-великан заревел, освободился, слегка тряхнул головой, от моих рук, бросился к загородке, откинул сторожей и вышел из города.

Потом мне приснилось вот что: четыре неземные существа с блестящими глазами, прекрасные, как владыки земли, обитающие на горе Сумеру[1], слетели с неба, окруженные толпой бесчисленных небесных духов, и тихо спустились в наш город, на воротах которого развевалось золотое знамя Индры. И вдруг это знамя упало и вместо него поднялось другое — серебряное, горевшее рубинами, сиявшее новыми словами, мудрыми изречениями, преисполнившими радостью все живые существа. С востока поднялся легкий восточный ветер, развернувший складки драгоценной ткани и показавший письмена всем живым существам, — и вот посыпался целый дождь чудных цветов, произрастающих в неведомой мне стране, таких ярких, какие никогда не расцветают на наших лугах!

Тогда сказал царевич:

— О, мой цветик! То был приятный сон!

— Да, государь! — отвечала царевна, — но у сна этого был страшный конец: послышался голос, который кричал: «Время близко! Время близко!»

Потом я увидела третий сон, я видела, что ищу тебя, мой повелитель, а вместо тебя на постели лежали несмятая подушка и брошенное платье — вот все, что осталось от тебя! От тебя, моей жизни, моего света, моего царя, моей вселенной! Во сне я встала и видела, как твой жемчужный кушак,

[1] Гора *Сумеру* или *Меру* находится, согласно буддийскому учению, в центре земли.

которым я опоясалась, превратился в змею и ужалил меня. Мои браслеты свалились, мои золотые застежки распались, жасмины в моих волосах стали прахом, наше брачное ложе упало, кто-то сдернул пурпурную занавесь, я услышала вдали рев белого быка и шелест складок великолепного знамени, и снова тот же крик: «Время близко!» И с этим криком, от которого до сих пор содрогается душа моя, я проснулась! О, царевич! Что могут означать такие сны, кроме одного - я умру, или, что еще хуже смерти, ты покинешь меня, ты будешь взят от меня!

Взором, нежным, как последняя улыбка заходящего солнца, глядел Сиддхартха на свою плачущую жену.

— Успокойся, милая, — сказал он — если неизменная любовь дает покой! Хотя сны твои могут быть тенями грядущих событий, хотя боги содрогаются на своих престолах, хотя, быть может, мир скоро узнает путь к спасению, но, что бы ни случилось с тобою или со мною, будь уверена — я любил и люблю тебя, Ясодхара! Ты знаешь, как я мучился все эти месяцы, отыскивая пути искупления земнородным, несчастие которых я видел. И когда настанет время, тогда, что должно быть, то и будет! И если душа моя болит по душам мне неизвестным, если я страдаю страданием мне чуждых, подумай, как часто я должен останавливать крылатые мысли на жизни тех, кто разделяет и услаждает мою жизнь, на жизни моих близких и, в особенности, на жизни той, которая мне всех дороже, всех любимее, всех ближе.

О, мать моего ребенка! Ты, которая соединилась со мною плотью для порождения этой светлой надежды, когда я томился такою же жалостью к человечеству, какую чувствует голубь к брату, покинутому в гнезде, и когда в этом томлении дух мой блуждал по дальним морям и землям, всегда возвращаясь к тебе на крыльях страсти, на крыльях радости, к тебе, самая кроткая из женщин, самая добрая из добрых, самая нежная из нежных, самая дорогая для меня!

И потому, чтобы ни случилось, вспоминай, как в твоем сне ревел царственный бык, как развевалось драгоценное знамя, и будь уверена, что я тебя всегда любил и всегда буду любить и что то, что я ищу, ищу я, главным образом, для тебя! А ты не тоскуй: и если горе посетит тебя, утешайся мыслью, что путем нашего горя мир, может быть, сойдет на землю! Возьми с этим поцелуем всю благодарность, все благословение, какое только может дать самая верная любовь! Это, конечно, немного, так как сила самой сильной любви — слаба, но поцелуй меня и пусть эти слова перейдут прямо из моего сердца в твое, чтобы ты знала скрытое от других, что я много любил тебя, потому что много возлюбил я все живущее. А теперь, царевна, спи, я же встану и буду бодрствовать!

Она, вся в слезах, погрузилась в сон и во сне вздыхала, как будто прежнее видение снова представлялось ей: «Время близко, время близко!»

Сиддхартха оглянулся и увидел, что луна сияла близ созвездия Рака, а серебристые звезды стояли в том самом порядке, который был давно предсказан; они, как будто, говорили:

— «Настала та ночь, когда тебе предстоит избрать путь величия или путь добра; выбирай или власть царя царей, или одиночество и странничество без пристанища, без короны, ради спасения мира!

Вместе с шепотом темной ночи слуха его снова коснулась призывная песнь, как будто боги говорили в шелесте ветра; и верно то, что боги были вблизи и следили за каждым шагом господа, взиравшего на яркие звезды.

— Я удаляюсь, – сказал он, — мой час настал! Твои нежные уста, мое спящее сокровище, призывают меня к спасению земли и вместе с тем к разлуке с тобою: на безмолвном небе я читаю начертанное огненными письменами. Тут мое назначение, сюда вела меня вся жизнь моя!

Я не хочу царского венца, который мне предназначается; я отказываюсь от тех завоеваний, которые могли бы совершаться при блеске моего обнаженного меча; окровавленные колеса моей колесницы не покатятся от победы к победе, пока на земли кровью не обозначится мое имя. Я предпочитаю следовать незапятнанной стопой по пути терпения; я желаю избрать прах земной – моим ложем, самые уединенные пустыни — моим жилищем, самые низменные существа — моими спутниками; я хочу носить одежду бедняков, питаться подаянием, укрываться в темных пещерах или в чаще лесов. Я должен поступать так, потому что жалобный стон жизни, всех страданий, всей живой плоти достиг моего слуха и вся душа моя наполнилась состраданием к несчастью этого мира; я спасу его, если только спасение возможно, спасу высочайшим самоотречением, сильнейшей борьбой.

Кто из великих или малых богов обладает могуществом или милосердием? Кто видел их — кто? Какую помощь оказали они когда-либо своим поклонникам? К чему годятся людям молитвы, взнос десятины жатвы, заклинания, жертвоприношения, великолепные храмы, дорогостоящие жрецы, взывания к Вишну, Шиве, Сурье, когда они не могут спасти никого, даже самого достойного, от страдания, внушающего людям льстивые, боязливые возгласы, возносящиеся ежедневно к небу, подобно скоро-исчезающему дыму! Избавило ли все это хоть одного из моих братьев от страдания, от жала любви и разлуки, от медленного, печального одряхления, от страшной мрачной смерти и от того, что ждет нас после, смерти — нового поворота вечно-вертящегося колеса, нового возрождения, а вместе с ним и новых страданий. А там опять — ряд новых поколений полных новых желаний, а затем все те же самообольщения. Получила ли хоть одна из дорогих моему сердцу награду за пост, за гимны? Удалось ли ей родить с меньшими муками, благодаря печеньям и листьям тульзы, принесенным ею на жертвенник? Никогда! Возможно допустить, что есть боги добрые и злые, но все они равно недеятельны: они и сострадательны и в то же время безжалостны; они —

подобно людям — прикованы к колесу перемен и, подобно им, прошли ряд возрождений и не избавятся от них и впредь.

Писание наше, можно думать, справедливо учит, что, начавшись когда-то, почему-то, где-то, жизнь постоянно совершает свой круговорот, возвышаясь от атома, насекомого, червя, пресмыкающегося, рыбы, птицы, зверя, человека, демона, дэва, бога, и кончая снова землей, атомом.

Мы сродни всему, что существует: если бы кто-нибудь мог спасти человека от преследующего его проклятия, весь обширный мир почувствовал бы вместе с ним облегчение, так как уничтожилось бы страшное незнание, бросающее вокруг себя тень леденящего ужаса, переполняющее нескончаемую цепь веков делами жестокости.

О, если бы кто-нибудь мог принести спасение! Спасение, конечно, возможно! Спасение должно существовать! Люди гибли от зимней стужи, пока нашелся такой человек, которому удалось добыть огонь из кремния, таившего в себе красную искру— сокровенный дар всесогревающего солнца!

Они пожирали мясо подобно волкам, пока не явился такой человек, который посеял зерно, произрастившее злак, поддерживающий человеческую жизнь. Они мычали и бормотали, пока какой-то один, превзошедший всех, стал произносить членораздельные звуки, тогда как терпеливые пальцы другого стали изображать произносимые звуки.

Есть ли у моих братьев хоть какое-нибудь благо, не купленное ценой исканий, борьбы и самоотверженных жертв? И если человек знатный, счастливый, богатый, одаренный силою и здоровьем, от рождения предназначенный, если того захочет, царствовать, стать царем царей; если человек, не поддающийся утомлению, причиняемому длинным жизненным путем, и радостно идущий навстречу утру жизни, не пресыщенный очаровательным пиром любви, а все еще алчущий ее; если человек изживший, не одряхлевший, не мрачно-благоразумный, а радостно встречающий все прекрасное и славное, что принимается к земному злу; если человек, перед которым открыты все блага мира, человек, подобный мне, не испытывающий ни болезни, ни лишений, никаких лишних печалей, кроме печали быть человеком.

Если такой человек, который может пожертвовать столь многим, пожертвует всем, от всего откажется ради любви к людям и посвятит себя поискам истины, открытию тайны спасения, где бы она ни скрывалась, в аду или на небе, или вблизи нас, никем незамеченная. О! такой человек где-нибудь, когда-нибудь постигнет истину, раскроет так долго скрывающуюся тайну, найдет новый путь, возьмет то, ради чего отдал целый мир, и смерть увидит в нем своего победителя!

Я это сделаю! Я могу пожертвовать моим царством, так как люблю его, так как мое сердце бьется в унисон со всеми страдающими сердцами, ведомыми мне и неведомыми, со всеми, которые обратились или обратятся ко мне, со всеми тысячами миллионов спасенных моею жертвою.

Звезды-вдохновительницы! Я иду! О, погруженная в скорбь земля, ради тебя и детей твоих я отрекаюсь от моей молодости, моего царского венца, моих радостей, моих золотых дней, моих ночей, всей окружающей меня роскоши и от твоих объятий, прелестная царевна, — отречение от них тяжелее, чем все прочее! Но, спасая землю, я спасу и тебя, и того, кого ты носишь под сердцем — скрытый плод нашей любви, ожидать возможности благословить который значило бы потерять мужество, и остаться! Жена! Дитя! Отец! Народ! Вы должны разделить со мною часть горечи этого часа, чтобы в конце взошел свет, и вся плоть узнала закон. Я решился, я ухожу и не вернусь назад пока не найду того, что ищу, если только не окажется недостатка в неутомимых поисках и борьбе!

Он коснулся лбом ее ног и остановил прощальный взор любящих глаз на ее спящем лице, еще мокром от слез, благоговейно три раза обошел он вокруг ложа, как вокруг какой-нибудь святыни, и, скрестив руки на сильно бившемся сердце, проговорил:

— Никогда не возвращусь я более сюда!

И три раза пытался он выйти, но три раза возвращался назад — так пленительна была ее красота, так велика его любовь!

Затем он закрыл лицо одеждой, отвернулся и приподнял занавесь. Там тихо, крепко спал, подобно водяным лилиям, прелестный цветник его молодых красавиц: около двери два только что расцветшие лотоса — Гунга и Гаутами, дальше, также погруженные в сон, остальные сестры их.

— Приятно мне глядеть на вас, прелестные подруги, — сказал он, — и грустно вас покинуть, но, если я не покину вас, что ожидает всех нас?! Безрадостная старость, бесполезная смерть! Как вы лежите теперь спящими, так вы будете лежать мертвыми! А когда розу постигает смерть, куда девается ее благоухание, ее краса? Когда лампада гаснет, куда улетает пламя? Ночь! Сомкни крепко их опущенные веки, замкни их уста, чтобы ни слезы, ни слова преданности не остановили меня!

Чем счастливее делали они мою жизнь, тем более горько, что и они, и я, и все мы живем, подобно деревьям: переживаем сначала весну, потом дожди, морозы, зимнюю стужу, затем листопад, и, кто знает — новую весну или, может быть, удар топора под самый корень.

Я этого не хочу, я, который вел здесь жизнь божества, я этого не хочу, хотя все дни мои проходили в божественных радостях в то самое время, когда другие люди стонали во мраке. И потому, прощайте, друзья! Благое дело — отдать жизнь свою, я и отдаю ее, отдаю и иду искать спасения и неведомого света!

Затем, тихо минуя спящих, Сиддхартха вышел под открытое небо: глаза ночи — бдящие звезды – любовно смотрели на него; а дыхание – легкокрылый ветер – целовал развевающийся край его одежды; садовые цветы, закрывшиеся после заката солнца, открывали свои бархатистые сердца и посылали ему благоухание из розовых и пунцовых курильниц; по всей земле

от Гималаев до Индийского океана пробежала дрожь, как будто душа земли затрепетала от неведомой надежды.

Священные книги, рассказывающие нам историю господа, говорят, что хвалебная песнь прозвучала в воздухе от одного сонма светозарных существ до другого, и они собрались на запад и на восток, озаряя светом ночь, слетались на север и юг, исполняя землю радостью.

Четыре грозные мужа земли сошлись к воротам дворца со своими лучезарными легионами невидимых духов в сапфировых, золотых, серебряных и жемчужных одеждах и смотрели, скрестив руки, на индийского царевича, стоявшего с поднятыми к звездам и полными слез глазами, с сомкнутыми устами, запечатленными выражением непоколебимой любви.

Затем он прошел далее среди мрака и воскликнул:

— Чанна, вставай! Выводи Кантаку!

— Что угодно тебе, государь?—спросил возничий, медленно приподнимаясь со своего места около ворот. — Неужели ты желаешь ехать ночью, когда все дороги покрыты тьмой?!

— Говори тихо, — сказал Сиддхартха, — и приведи моего коня! Настал час, когда я должен покинуть эту золотую темницу, — должен идти отыскивать истину; я буду искать ее на благо всем людям и не успокоюсь, пока не найду!

— Увы! славный царевич, — отвечал возничий, — неужели же неправду говорили мудрые и святые мужи, читавшие по звездам и приказавшие нам ждать того времени, когда великий сын царя Суддходаны приметь власть над многими царствами и станет царем царей? Неужели ты удалишься отсюда и выпустишь из своих рук все это великолепие и роскошь и вместо него возьмешь чашу нищего? Неужели ты пойдешь одиноким странником и покинешь свое райское жилище?

Царевич отвечал:

— Не ради венца царского пришел я на землю; царство, которого я добиваюсь, выше всех других царств! Все блага мира преходящи, все изменчивы, все приводят к смерти!.. Выводи меня Кантаку!

— Высокочтимый, — говорил еще возничий, — подумай о горе владыки нашего — твоего отца! Подумай о горе тех, чье счастье—все в тебе! Как можешь ты спасти их, когда, прежде всего ты погубишь их?!

Сиддхартха отвечал:

— Друг, та любовь ложна, которая держится за любимое существо ради утех любви; я люблю их больше, чем свое счастье, даже больше, чем их счастье, и потому я ухожу, чтобы спасти их и спасти всякую плоть, если высочайшая любовь не бессильна! Иди, приведи Кантаку!

Тогда сказал Чанна:

— Государь, я повинуюсь!

И грустно прошел он в конюшню, взял с вешалки серебряные удила и цепь повода, узду и подпругу, крепко привязал ремни, застегнул пряжки и

вывел Кантаку. Он привязал его к кольцу, вычистил и вычесал его так, что белая шерсть блестела, как шелковая; потом он положил на него сложенный вчетверо войлок, а сверху него прикрепил подседельник и красивое седло; крепко подтянул украшенную драгоценными камнями подпругу, пристегнул шлею и недоуздок и привесил золотые стремена; затем поверх всего он набросил золотую сеть с шелковой бахромою, отделанною жемчугом, и вывел красивую лошадь к воротам дворца, где стоял царевич.

Увидев своего господина, конь радостно заржал и замотал головою, раздувая свои красные ноздри.

В писании сказано: «Наверное, все услышали бы ржанье Кантаки и громкий топот его стальных копыт, если бы боги не прикрыли своими крылами уши спящих и не превратили их на это время в глухих».

Сиддхартха ласково нагнул гордую голову коня, погладил его по блестящей шее и сказал.:

— Стой смирно, милый Кантака! Стой смирно и будь готов к самому далекому путешествию, какое когда-либо делал всадник. В эту ночь я выезжаю на поиски истины и сам не знаю, куда приведут меня эти поиски: знаю только одно, что они не окончатся, пока я не достигну цели. И потому в эту ночь, мой добрый конь, будь смел и ретив! Не останавливайся ни перед чем, хотя бы тысяча мечей преграждала тебе дорогу! Пусть ни рвы, ни стены не задерживают нас!

Смотри, когда я коснусь твоего бедра и закричу: «Вперед, Кантака!» лети быстрее урагана! Будь, как огонь, как воздух, мой конь! Сослужи службу твоему господину; раздели с ним величие подвига, долженствующего спасти мир; я еду не ради одних только людей, но и ради всех бессловесных, испытывающих с нами одни и те же страдания и не имеющих надежды, но нуждающихся в ней. Неси же меня бодро, доблестно!

Он легко вскочил, на седло, коснулся густой гривы, и Кантака пустился в путь, высекая подковами искры из камней и побрякивая удилами; никто не слышал, однако же, этих звуков, так как боги-хранители, собравшись на дороге, густо устилали ее красными цветами мохры, а невидимые руки прикрывали бряцающие удила и цепи.

В писании сказано, что, когда они подъехали к мостовой около внутренних ворот, воздушные якши подложили волшебные одежды под ноги коня, так что он ступал тихо, беззвучно.

Когда же они приблизились к воротам с тройными затворами, которые с трудом отпирали и открывали пятьсот человек, — о чудо! — двери открылись бесшумно, хотя обыкновенно днем громовой скрип их громадных петель и тяжеловесных затворов слышался за два косса вокруг. Средние и наружные ворота точно так же бесшумно открыли свои огромные затворы при приближении Сиддхартхи и его коня; под их сенью лежала неподвижно, как, убитая, вся избранная охрана; копья и мечи выпали из рук воинов, щиты отстегнулись у всех — у начальников и у подчиненных; случилось так

потому, что перед самым отъездом царевича подул ветер более снотворный, чем тот, который обыкновенно пролетает над сонным маковым полем, и этот ветер усыпил все чувства стражи. Таким образом царевич свободно выехал из дворца.

Когда утренняя звезда стояла на полкопья от восточного края неба и дыхание утра пролетало над землей, покрывая рябью воды Анома, пограничной реки, тогда натянул он повода и сошел на землю, поцеловал белого Кантаку между ушами и ласково сказал Чанне:

— То, что ты сделал, принесет благо тебе и всем созданиям. Верь, что я всегда воздам тебе, любовью за любовь! Уведи домой моего коня и возьми эту жемчужину с моего шлема, возьми мою царскую одежду, мне более не нужную, мой меч, мой пояс, украшенный драгоценными камнями, и мои длинные, только что отрезанные мною, волосы. Отдай все это царю и скажи, что Сиддхартха просил не вспоминать его до тех пор, пока он не вернется, облеченный величием, превосходящим величие царей, умудренный уединенными исканиями, борьбою за свет; если я одержу победу, вся земля будет принадлежать мне, — и не, по преизбытку моей заслуги, мне — в силу любви! Так и скажи ему! Человек может возлагать надежды свои только на человека, и никто еще не искал того, что ищу я, — я, отрекшийся от мира, чтобы спасти мир!

КНИГА ПЯТАЯ.

Вокруг Раджагрихи возвышались пять красивых гор, охраняя утопающую в зелени столицу царя Бимбисары: Байбхара, покрытая зеленой травой с пальмами; Бипулла, у подножия которой струятся теплые воды Сарсути; тенистая Тапован с прудами, отражающими черные скалы, из диких вершин которых просачивается лучшее горное масло; на юго-востоке царства коршунов — Сайлагири; на востоке Ратнагири—гора драгоценных камней.

Извилистая дорожка, мощеная истертыми плитами, пробегала полями, пестревшими цветами дикого шафрана, перемежающимися бамбуковыми зарослями под тенью тёмных манговых деревьев, мимо полосатых утесов, где производилась ломка яшмы, и шла далее по глубоким лощинам, поросшим цветущим кустарником, к западному склону горы, ко входу в пещеру, приютившуюся под навесом роскошных финиковых пальм.

Прохожий! Приближаясь к этому месту, сними обувь, и преклони голову). На всей земле ты не найдешь места, которое было бы тебе более дорого, более священно! Здесь господь Будда пребывал в знойные, летние дни, в проливные осенние дожди, в холодные вечера и ночи; здесь, ради спасения человечества облачился он в желтую одежду, знаменуя тем, что впредь будет питаться, как нищий, лишь случайным подаянием; будет спать на траве, без крова, одинокий, тогда как шакалы станут реветь вокруг его пещеры, и голодные тигры будут бродить по окрестной чаще.

Дни и ночи проводили здесь всесветпочитаемый, умерщвляя постом, бдением, безмолвным созерцанием свою рожденную для благ жизни плоть и, подобно той незыблемой скале, на которой он восседал, оставаясь в полной неподвижности столь долгое время, что белка, вскакивала ему на колени. Боязливая, перепелка гуляла со своими птенцами между ног его, а сизые голуби клевали рисовые зерна из чаши, стоявшей у самых рук его.

Так оставался он всецело погруженным в размышления, в смелое распутывание нитей умозрения и упорное прослеживание путей жизненного лабиринта – с полудня, когда земля изнывает от жары и в знойном воздухе носятся очертания стен и храмов, – до заката солнца, не замечая ни медленного движения пылающего солнечного диска, ни вечернего пурпура, окрашивающего освеженные поля, ни безмолвного появления звезд, ни боя барабанов в шумном городе, ни крика сов и козодоев.

Так сидел он, пока полночь не приносила успокоения всей земле, кроме темных дебрей лесных чащ, где крадутся и кричат хищные звери, и темных дебрей людского невежества, где раздается вопль страха и ненависти, где похоть, жадность и гнев незаметно подкрадываются к своим жертвам. Затем он засыпал, и сон его продолжался как раз столько времени, сколько нужно луне для прохождения десятой части своего заоблачного пути.

Он вставал до утренней зари и снова задумчиво стоял на темном выступе скалы, наблюдая огненным взором за сияющею землею, обнимая мыслью

все живые существа. Над волнистыми полями между тем проносился легкий ветерок — поцелуй утра, пробуждающего землю, тогда как на востоке возникали и разрастались чары дня.

Сперва среди густого мрака ночь как бы не замечает шепота рассвета; затем, прежде чем лесной петух успеет прокричать дважды, — на небе является белая светлая полоса, которая растет, светлеет, поднимается до утренней звезды и тонет в серебристо-золотых волнах, захватывающих облака, края которых загораются, окрашиваются шафраном, пурпуром, багрянцем, аметистом; и вот, все небо сияет яркою синевою и в лучезарной одежде является царь жизни и света!

Тогда господь наш, по обычаю вдохновенных риши[1], приветствовал восходящее светило и, свершив омовение, спускался по извилистой дорожке в город, где, по обычаю тех же риши, проходил из одной улицы в другую с чашкой нищего в руках, собирая подаяние для удовлетворения своих скромных нужд.

Вскоре чаша наполнялась, так как божественное выражение его лица и задумчивых глаз не могло ускользнуть от внимания горожан, восклицавших:

— Прими от нашего избытка, великий учитель! Матери приказывали детям целовать его ноги и касаться лбом края его одежды или бежали наполнить его чашу, принести ему печений и молока. Часто, когда он проходил по улице, тихий и кроткий, сияя небесным милосердием, погруженный в заботу о тех, кого он знал только как собратьев по человечеству, темные удивленные, глаза какой-нибудь индийской девушки останавливались с внезапною любовью, с глубоким благоговением на этом, полном величия облике, как будто в нем являлось осуществление самых заветных ее грезь, как будто в груди ее загоралось чувство, более высокое, чем всякая земная страсть.

А он проходил мимо с чашей в руке, в желтой одежде, награждая кроткими речами за все дары и направляясь к пустыне, к тем холмам, где беседы со святыми мужами раскрывали ему премудрость и пути к ее достижению. На полдороге к тихим рощам Ратнагири, за городом, не доходя пещер, жили пустынники, считающие тело врагом души, плоть—зверем, которого человек должен усмирить и заковать горькими пытками, пока замрет самое чувство боли и истерзанные нервы перестанут терзать своего мучителя, — йоги, брамачары, бхикшу, угрюмые, исхудалые старцы, державшиеся вдали от людей.

Одни из них день и ночь стояли с воздетыми руками, пока совсем не ослабевали и худели до того, что кости торчали из-под их засохшей кожи, как сухие сучья на лесных пнях; другие держали крепко-сложенные руки так долго, что ногти вырастали у них на подобие когтей и прокалывали ис-

[1] Риши – певцы ведических гимнов

худалые ладони; третьи ходили в сандалиях, подбитых гвоздями; некоторые царапали себе острыми кремнями грудь, лоб и бедра, жгли себя огнем, кололись шипами и иглами колючих кустарников, пачкались в грязи и золе, завертывались в лохмотья, оставшиеся от мертвецов; иные жили около погребальных костров, валялись в грязи вместе с трупами; и коршуны, чуя добычу, вились вокруг них.

Некоторые из них выкрикивали пятьсот раз в день имя Шивы или обвивали шипящими змеями свои загорелые шеи и исхудалые бока, другие ползали на сведенных параличом ногах. Все вместе представляли ужасное зрелище: от сильного жара головы их были покрыты нарывами, глаза мутны, кожа сморщена; осунувшиеся бледные лица казались лицами мертвецов, скончавшихся пять дней тому назад.

Один ползал по земле и ежедневно набирал по тысяче зерен проса — единственную пищу, которую глотал он зерно за зерном, пока не умирал с голоду; другой натирал все, что ел, горькими травами, чтобы не наслаждаться вкусною пищею; около них лежал третий, святая жертва самоистязания, без глаз, без языка, глухой, горбатый, оскопленный; душа изувечила тело его ради славы страдания, ради награды, обещанной по словам священного писания им, чьи скорби заставляют стыдиться самих богов, создавших скорби, и делают людей богами, способными перенести столько зла, сколько его не найдется и в аду.

Грустно посмотрел на них господь наш и сказал одному из главных самоистязателей:

— Многострадальный учитель! Я искатель истины, несколько месяцев живу на этом холме и вижу, как ты и другие братья мои предаются самоистязанию; скажи, зачем прибавляете вы зло к жизни, которая и без того — зло? Мудрец отвечал:

— В писании сказано: если человек будет умерщвлять свою плоть и доведет себя до того, что жизнь станет ему страданием, а смерть сладостным покоем, — страдание смоет с него кору греха, и очищенная душа его из юдоли скорбей вознесется в небесные обители к неизреченному блаженству!

— Посмотри на облако, что несется в небе, — отвечал царевич, — оно прекрасно, как золотое покрывало на троне Индры. Поднялось оно из бушующего моря и должно снова упасть вниз в виде капель дождя, а затем тяжелым утомительным путем, пробираясь сквозь ущелья, болота и грязные лужи, дойти до Ганга и излиться, наконец, в море, откуда оно возникло! Почем ты знаешь, о мой брат, не такая ли судьба ожидает после многих страданий и святых, удостоившихся блаженства? То, что поднимается, – падает, что приобретается – расходуется; и вы, дающие кровь свою в обмен за небо, что скажете вы, когда постигнете, что ряду таких обманов и конца не видно?!

— Может быть, что и так, — простонал подвижник. — Увы, мы этого не знаем и ничего не знаем наверно; но после ночи наступает день и после бури — затишье, а мы ненавидим это проклятое тело, которое держит в плену душу, жаждущую вознестись на небо; ради нашей души мы претерпеваем кратковременные мучения, чтобы получить от богов более прочное блаженство!

— Да, но если это блаженство продолжится даже мириады лет, — в конце концов, оно все-таки иссякнет; а если нет, то, может быть, есть где-нибудь—здесь, там, где-нибудь, другая жизнь, не похожая на нашу — жизнь не изменяющаяся? Скажи! Уже ли ваши боги вечны?

— Нет, отвечал йоги, — один лишь великий Брахма вечен; а жизнь богов имеет свой предел.

— Зачем же, — сказал тогда господь Будда, — вы, мужи мудрые, святые, твердые духом, ставите ваши вопли и стоны ставкою в этой тягостной игре, — в игре, где выигрыш может оказаться призраком, во всяком случае, не вечным? Неужели вы хотите из любви к душе до такой степени ненавидеть, истязать, изувечивать тело, что оно потеряет способность служить духу, стремящемуся ввысь и, раньше срока падет на дороге, как замученная лошадь? Неужели вы хотите разбить и разрушить это прекрасное жилище, в котором мы после мучительных скитаний находим себе хоть кратковременное пристанище, — пристанище, в котором мы все же таки находим свет, правда, небольшой, годный только на то, чтобы разглядеть приближение зари и различить истинный путь от ложного!

Тогда все йоги воскликнули в один голос:

— Мы избрали этот путь и идеи по нему, Раджапутра! Идем до конца, хотя бы нам пришлось идти сквозь огонь! Мы идем с верою, что смерть будет концом нашего странствования! Если ты знаешь лучший путь, укажи нам его, если нет, проходи с миром!

И он шел далее, печалясь о том, что люди до такой степени страшатся смерти, что начинают, наконец, бояться этого страха. Так стремятся к жизни, что не осмеливаются любить жизнь и портят ее мучительными истязаниями, воображая таким образом угодить богам, завидующим человеческому счастью, воображая, что уничтожат ад, устраивая адские муки своего собственного изобретения; воображая в своем святом ослеплении, что полная надежды душа, покинув изможденное тело, вернее найдет свой путь.

— О вы, полевые цветки,—сказал, Сиддхартха, — вы обращаете свои нежные головки к солнцу и наслаждаетесь светом, выражая свою благодарность сладким благоуханием и праздничною пурпурно-золотистой одеждой, ни один из вас, однако же, не требует от жизни совершенства, ни один не презирает своей счастливой красоты! О, пальмы! Вы, гордо стремящиеся возвыситься до неба и вдыхающие ветры Гималаев и холодных синих морей, скажите, какую тайну открыли вы, чтоб быть счастливыми от минуты восхода до поры созревания плодов?! Почему всегда от ваших перистых

вершин несутся к солнцу такие чудные песни? А вы, вы, быстрокрылые попугаи, щуры, соловьи, голуби?! Никто из вас не ненавидит жизни, никто не думает достигнуть лучшего путем временных страданий! Но посмотрите на человека, царя природы, убивающего вас, человека, превосходящего вас умом, – его вскормленная кровью мудрость проявляется в самоистязаниях!

Пока учитель говорил, на склоне горы показалось облако пыли — это шло стадо коз и черных овец; они медленно приближались, то останавливаясь среди кустов, то забегая по сторонам, и подходили к светлым ручьям и финиковым деревьям. Но при всякой остановке пастух кричал или же забрасывал петлю и заставлял глупое стадо подвигаться к равнине. Одна овца шла с двумя ягнятами, и один из них зашиб себе ногу и хромал. Кровь текла из его раны, и он с трудом тащился сзади всех, между тем как его брат весело скакал впереди; встревоженная овца, в страхе потерять одного из них, перебегала то к одному, то к другому.

Увидев это, господь наш нежно взял на плечи хромого ягненка, говоря:

— Бедная мать, не тревожься! Куда бы ты ни пошла, я буду следовать за тобой с этим ягненком на руках; лучше избавить от страдания хоть одно животное, чем сидеть там в пещерах и размышлять о скорбях с молящимися самоистязателями... Но, — продолжал он обращаясь к пастухам, — скажите, друзья, зачем вы в полдень гоните стадо с гор, тогда как обыкновенно люди пригоняют их оттуда вечером?

Пастухи отвечали:

— Нам велено пригнать сто коз и сто овец сегодня к ночи; царь хочет принести их в жертву богам!

Тогда сказал учитель:

— И я пойду вместе; с вами!

И он пошел за пастухами по пыли и солнечному зною, неся на руках хромого ягненка, тогда как успокоенная овца тихо блеяла у ног его.

Когда они вышли на берег реки, к нему подошла плачущая молодая женщина, низко поклонилась и сказала, с мольбою протягивая руки:

— Владыко, ты сжалился надо мною во вчерашний день, вот там, в роще, где я живу с моим маленьким сыном; вчера, бродя среди цветов, он наткнулся на змею: она обвилась вокруг его руки, а он, смеясь, играл с нею и дергал ее за высунутый язык и открывал ей рот. Но, увы, чрез нисколько минут он побледнел, затих, и я не понимала, отчего он перестал играть и уже не хватает губами мою грудь. Мне сказал кто-то: «Он болен, он отравился, он умрет!». Но я, я не могла подумать, что лишусь моего дорогого мальчика; я попросила их дать мне лекарство, которое возвратило бы свет его глазам: след, оставленный змеей, был так мал, ребенок был так прелестен, что, я думаю, змея не могла ненавидеть его, не могла, играя, причинить ему зло! Кто-то еще сказал мне: «Вот там, на горе, живет святой человек! Вон он идет в желтой одежде!.. Спроси его, нельзя ли чем-нибудь помочь твоему сыну!?» Тогда я, дрожа, подошла к тебе, к тебе, как к одному

из богов, с плачем сняла покрывало с лица моего мальчика и просила тебя сказать, какое лекарство дать ему. А ты, великий учитель, ты не оттолкнул меня, ты посмотрел на меня кроткими глазами и коснулся меня нежною рукою: потом ты снова накрыл его покрывалом и сказал: «Да, милая сестра, есть одно средство, которое может помочь: сначала тебе, потом ему, удалось бы только тебе добыть это средство; кто советуется с врачом, должен достать и лекарство! Итак, найди, пожалуйста, немного, одну толу, черного горчичного семени: но, заметь себе, ты не должна брать его из дому или от людей, у которых умер кто-либо — отец, мать, ребенок или раб! Хорошо, если тебе удастся найти это семя!» Вот, что ты сказал мне, учитель!

Учитель улыбнулся с невыразимою нежностью.

— Да, я это сказал, дорогая Кисаготами! Ну, что же, нашла ты семя?

— Я пошла, владыко, прижимая к груди холодевшего ребенка и просила в каждом доме, здесь, в лесах и в городе: «Будьте милостивы, дайте мне черной горчицы, немножко, одну толу!». Всякий, у кого была горчица, давал ее, — ведь, все бедные всегда сострадательны к бедным, — но, когда я спрашивала: «Друзья мои, не умер ли кто-нибудь, когда-нибудь, в вашем доме?» – они отвечали: «О сестра, что ты спрашиваешь? Умерло много, живых осталось мало!» Я с печальною благодарностью отдавала им горчицу и шла просить у других; другие говорили: «вот семя, но мы потеряли нашего раба!», «Вот семя, но мой дорогой муж умер!», «Вот семя, но тот, кто сеял его, умер, не дождавшись жатвы!». Ах, владыко! Я не могла найти ни одного дома, где была бы горчица, и не было бы покойников! И вот я оставила в винограднике, на берегу реки, моего ребенка, который больше не берет груди и не улыбается, и пошла искать тебя, чтобы броситься к ногам твоим и просить тебя сказать, где я могу найти семя и не найти покойника? Или, может быть, ребенок мой уже умер? Все мне говорят это, и я этого очень страшусь!

— Сестра, — отвечал учитель, — отыскивая то, чего никто не может найти, ты нашла горький бальзам, который я хотел тебе дать! Тот, кого ты любишь, спал вчера сном смерти на груди твоей, а сегодня ты знаешь, что весь свет плачет от того же самого горя: горе, которое разделяют все сердца, переносится легче! Знай, я отдал бы всю кровь моего сердца, чтобы только осушить твои слезы и узнать тайну того проклятия, которое превращает сладкую любовь в мучение и по пути, усеянному цветами, гонит к жертвенному алтарю как этих бессмысленных животных, так и царя их — человека. Я допытываюсь этой тайны, а ты — иди, схорони своего ребенка!

Так вошли они в город, пастухи рядом с царевичем в тот час, когда солнце золотило тихие воды реки Соны и бросало длинные тени вдоль улиц и в ворота, около которых стояла царская стража.

Когда господь наш приблизился, неся ягненка на плечах, стража отступила, рыночные торговцы отодвинули свои телеги, покупатели и продавцы на базаре приостановили свои распри, и все стали глядеть на это крот-

кое лицо; кузнец, поднявший молот, забыл опустить его; ткач остановил свой станок, писец — свое писанье, меняло сбился со счета денег; белый бык Шивы беспрепятственно ел никем не охраняемый рис: молоко проливалось из кувшина, а продавец, не замечая этого, глядел на господа, который проходил с полным величия смирением.

Многие женщины, стоявшие у ворот своих домов, спрашивали:

— Кто это такой, благолепный и кроткий, несущий одного из животных? Какой он касты? Почему у него такой чудный взгляд? Сакра ли он или деварадж?

Другие отвечали:

— Это святой муж, живущий вместе с риши на горе!

Господь наш между тем проходил, погруженный в размышления, думая про себя:

— Увы! Бедные овцы мои, не имеющие пастыря, они бродят во тьме и нет у них руководителя; они нелепо идут под нож смерти, подобно этим безгласным животным, с которыми связаны узами родства.

Тогда донесли царю:

— В наш город пришел святой пустынник, он привел стадо, которое ты потребовал сюда для жертвоприношения.

Царь стоял в жертвенной палате, окруженный облаченными в белые одежды браминами, которые шептали мантры и поддерживали огонь, пылавший на среднем жертвеннике.

Из костра благовонного дерева подымались блестяще языки пламени, которые, шипя и извиваясь, лизали жертвенные дары — масло, пряности и сок Сомы — эту усладу Индры. Вокруг костра дымился и медленно тек широкий красный ручей — кровь жертвенных животных, которую не мог поглотить песок. Одно из этих животных, пестрая длиннорогая коза, лежала тут же, голова ее была привязана назад стеблями мунжи; жрец держал нож у ее вытянутой шеи и бормотал:

— Великие боги! Примите этот дар Бимбисары, как лучшую из жертв; взгляните с благоволением на эту струящуюся кровь, на дым жирного мяса, сжигаемого благовонным пламенем: да возложатся все грехи царя на эту жертву и да поглотит их пламя вместе с нею, готовою ныне принять смертельный удар моего ножа!

Но Будда кротко сказал:

— Не дозволяй ему наносить этот удар, великий царь!

И затем он развязал веревки, которыми было связано животное, и так велико было обаяние, внушаемое его наружностью, что никто не пожелал распоряжаться, как ему хотелось.

Затем, испросив разрешение царя, он стал говорить о жизни, которую всякий может отнять, но никто не может даровать, о жизни, которую всякое творение любить и стремится сохранить, как некий чудный, драгоценный дар, приятный для всех, даже для самых ничтожнейших существ; о жизни,

которая была бы счастьем для всех, если бы в сердцах людей живо было милосердие, то милосердие, благодаря которому мир скрывает свои тягости от слабого и открывает поприще для подвигов сильного. И потом в безмолвные уста защищаемого им стада он вложил слова мольбы и указал на то, что человек, взывающий к богам о милосердии, являясь богом относительно животных, сам становится немилосердным; и хотя все живые существа находятся в связи и в родстве друг с другом, мы убиваем, однако же, безропотно заплативших нам дань молоком или шерстью и с доверием предающихся в наши руки, —руки убийц. Он напомнил учение священных книг о том, как после смерти люди становятся птицами и зверями, а эти последние — людьми подобно искрам, превращающимся в пламя.

Таким образом жертвоприношение является новым грехом, останавливая роковой переход странствующей души.

— Никто не может очистить свой дух кровью, – говорил он, — добродетельный не может кровью порадовать богов, злой — подкупить их; никто не может возложить на голову невинного, связанного животного ни крупинки того тяжелого ответа, какой все должны держать за все содеянное зло, за всю совершенную в минувшие жизни неправду; каждый сам за себя получает по строго определенному для всей вселенной закону возмездия, устанавливающему добро за добро и зло за зло, меру за меру в делах, словах, мыслях, точно, неизменно, непоколебимо, в полном равновесии прошедшего и будущего.

Так говорил он, и слова его, проникнутые милосердием, были преисполнены такого величия, истины и любви, что жрецы старались скрыть под одеждою руки, обагренные кровью, а царь приблизился к нему и, почтительно сложив ладони, преклонился пред Буддою.

Господь же продолжал учить, объясняя, как прекрасна была бы земля, если бы все живые существа были связаны дружбою, все употребляли пищу чистую и бескровную: золотые зерна, прекрасные плоды, сладки травы, светлую воду; этой пищи, этого питья, ведь, довольно на земле! Сила любви, заключавшаяся в его словах, победила всех присутствующих. Сами жрецы загасили жертвенный огонь, бросили жертвенные ножи. На следующий день по всей стране издан быль эдикт, провозглашенный глашатаями, вырезанный на камнях и столбах:

«Такова воля царя: до сих пор у нас убивались животные для принесения жертв и для пищи, но от сего дня никто не должен проливать крови и вкушать мясо. Знание растет, а жизнь одна, и только милосердный может ждать милосердия».

Таково было содержание эдикта и, начиная с этих пор, благодатный мир установился между всеми живыми существами, между людьми и животными, служащими им на пользу, и птицами, и всеми живущими на берегах Ганга, где господь наш поучал святым милосердием и кроткими речами. Сердце учителя было всегда милостиво ко всем, кто дышит дыханием этой

скоропреходящей жизни, ко всем связанным одною цепью радостей и страданий.

Вот что рассказывают священные книги:

«В древние времена, когда Будда явился на землю под видом брахмана, жившего на скале Мунда, близ деревни Далидд, засуха опустошила всю страну; всходы риса пропадали ранее, чем успевали околоситься; в лесах знойное солнце иссушило все пруды и озера; трапа высыхала, звери разбегались в разные стороны, отыскивая пропитание.

Однажды, проходя мимо раскаленных стен одного нуллаха, господь Будда заметил тигрицу, лежавшую на голых камнях и умиравшую от голода. Отчаянье светилось зеленым огнем в ее глазах, ее сухой язык свешивался из открытой пасти на исхудалые щеки, ее пестрая шкура висела складками на ребрах, подобно сгнившей от дождей соломенной крыше, держащейся на одних стропилах; около иссохших сосцов ее пищали от голода двое детенышей, тщетно отыскивая молоко, которого не было. Мать нежно лизала неугомонных тигрят и подставляла им свои груди с, любовью превосходившею даже ее голод, с любовью, смягчившею крик, отчаяния, с каким она опустила на песок изможденную страданием голову.

При виде этой грустной картины господь Будда почувствовал невыразимое сострадание.

— Помочь этой лесной убийце можно только одним средством, — подумал он.

—До заката солнца она умрет от недостатка пищи. Ни одно живое существо не сжалится над нею, над этой хищной кровопийцей, страдающей от недостатка необходимой ей крови. Что, если бы я отдал себя в пищу, от этого никто ничего не потерял бы, кроме меня самого, а разве может любовь потерять, когда она остается верна себе даже до последнего предела?

С этими словами Будда отложил в сторону сандалии и посох, снял свой священный шнур и вышел из-за куста на песчаную поляну.

– Смотри, мать, вот тебе пища! – сказал он, и умирающая тигрица отскочила от своих детенышей с хриплым резким криком и, повалив на землю эту добровольную жертву, стала разрывать ее на части своими острыми когтями, обливая ее кровью свои желтые десны, смешивая свое горячее дыхание с последним вздохом бесстрашной, самоотверженной любви.

Так любвеобильно было сердце учителя уже в давние времена, а не только теперь, когда он своим милосердным словом прекратил жестокое жертвоприношение. Царь Бимбисара, узнав об его высоком происхождении и святом предприятии, просил его остаться в своем городе.

— При твоем сане,—говорил он ему, — нельзя выносить таких подвигов воздержания; твои руки созданы держать скипетр, а не протягиваться за подаянием. Живи со мной до моей смерти, так как у меня нет сына и наследника, и учи мое царство мудрости; живи в моем дворце с прекрасною невестою!

Но Сиддхартха, не колеблясь, отвечал ему:

— Все это было у меня, великий государь, и все это я оставил ради поисков истины: я все еще ищу ее и буду искать; я не остановлюсь даже, если дворец Индры отворит предо мной свои жемчужные ворота и боги станут приглашать меня вступить туда! Я иду воздвигнуть царство Закона и направляюсь к тенистым лесам Гайи, где, я надеюсь, свет осенит меня: этот свет не может явиться здесь среди риши, его не дадут ни священные книги, ни подвиги воздержания, доводящие до принесения тела в жертву душе. Теперь дело идет о том, чтобы открыть свет и познать истину; и если это удастся, дорогой друг, я, конечно, вернусь к тебе и воздам тебе за любовь твою!

После этого, царь Бимбисара трижды обошел вокруг царевича, почтительно поклонился до земли и пожелал ему успеха.

Господь направился к Уравильве, все еще не утешенный, с исхудалым лицом, ослабевший от шестилетних поисков и усилий.

Подвижники, жившие на горе и в роще, – Алара, Удра и пятеро других – остановили его, говоря, что все ясно изложено в священных книгах, что никто не может стать выше Срути и Смрити, — никто, даже и самые высшие святые, ибо как может смертный быть мудрее Жнана-Канда, который учит, что Брахма бестелесен и неподвижен, бесстрастен, спокоен, неизменен, лишен всяких свойств, что он – чистая жизнь, чистая мысль, чистая радость.

Человек не может быть совершеннее, чем Карма-Канд, который учит, каким образом освободиться от оков личного бытия, стать богом и исчезнуть в бездне божественности, переходя от лжи к истине, от борьбы чувств к вечному миру, царящему в обители Молчания.

Царевич слушал эти речи, но не находил в них утешения.

КНИГА ШЕСТАЯ.

И если хочешь ты видеть то место, где солнце садится всего позже, иди на северо-запад от «Тысячи садов» по долине Ганга до зеленых гор, из которых вытекают два потока-близнеца — Ниладжан и Мохана; следуя по их извилистым берегам, поросшим широколиственными пальмовыми рощами, ты придешь в долину, где струи обоих братьев сливаются в водах Фальгу, текущего по каменистому ложу до Гайи и до красных гор Барабара. Около этой реки расстилалась заросшая тернием и пересекаемая песчаными холмами пустыня, носившая в древности название Урувелайи. На ее окраине густой лес поднимал к небу свои перистые вершины, скрывая тихий ручей, окаймленный голубыми и белыми лотосами, населенный резвыми рыбами и черепахами. Около леса лепилась деревня Сенани со своими хижинами, крытыми травой и осененными пальмами, со своим мирным, простым пастушеским населением.

Здесь, в этом лесном уединении, жил господь Будда, размышляя о страданиях людей, о путях судьбы, об учении священных книг, об уроках, которые могут преподать нам обитатели лесов, о тайнах безмолвия, откуда всё выходит, о тайнах мрака, куда все стремится, о жизни, соединяющей обе эти тайны подобно радуге, перекинутой с облака на облако по небосклону, — радуге, столь же подвижной и преходящей, как и ее устои.

Месяц за месяцем сидел в лесу господь наш, погруженный в мысли, и случалось нередко, что забывал принимать пищу: очнувшись от дум, длившихся с солнечного восхода до полудня, он находил чашу свою пустою и принужден был питаться дикими плодами, сброшенными с деревьев к ногам его суетливыми обезьянами или красными попугаями. Красота его поблекла; тело его, изможденное борьбою духа, теряло мало-помалу те тридцать два знака, которые отличают Будду. Сухой желтый лист, спадавший с дерева, едва ли менее походил на светлую весеннюю листву, чем он на цветущего царственного юношу прежних дней.

И вот, однажды, истомленный царевич, упал на землю замертво, в глубоком обмороке. Дыхание его остановилось, кровь перестала течь по жилам, он лежал бледный, неподвижный.

Случайно около этого места проходил молодой пастух, который увидел Сиддхартху лежащим с закрытыми глазами, с выражением несказанного страдания на устах, тогда как горячее полуденное солнце жгло его голову: пастух нарвал веток дикой розы и устроил из них навес над священной главой; как человек низшей касты, он не смел прикоснуться к особе, казавшейся ему высокой и священной, а потому он влил в рот учителя несколько капель теплого молока прямо из сосцов своей козы.

Священные книги повествуют, что воткнутые им в землю ветви быстро проросли, покрылись густыми листьями, цветами и красными плодами, так что навес, устроенный им, походил на палатку, воздвигаемую царю на охо-

те, палатку из серебристой ткани с красными, золотистыми украшениями. Мальчик поклонился учителю, принимая его за божество. Но вот господь пришел в себя, встал и попросил пастуха дать ему молока из его кувшина.

— О владыко, — возразил мальчик, — я не могу этого сделать, ты видишь, я — шудра и мое прикосновение осквернит тебя!

Тогда всесветночтимый отвечал:

—Милосердие и нужда соединяют узами родства всякую плоть! Кровь у всех одного цвета без различия каст, слезы тоже распределены не по кастам и одинаково солены у всех людей; никто не родится со знаком тилаки на лбу или со священным шнуром[1] на шее. Кто поступает справедливо, тот рожден благородным. Кто поступает низко, рожден низким. Дай мне напиться, брат! Когда я завершу мои поиски — поступок твой вменится тебе!

Пастух возвеселился в сердце своем и исполнил желание учителя.

В другой раз по дороге из города шла толпа нарядных девушек, танцовщиц при храме Индры, в сопровождении музыкантов.

Один из последних один бил в украшенный перьями павлина барабан, другой наигрывал на певучей бансуле, третий—на трехструнном ситаре. Легкою поступью перескакивали они с камня на камень, спеша по извилистым тропинкам на веселый праздник; серебряные колокольчики звенели на смуглых ногах, браслеты и запястья шумно позвякивали им в ответ.

Музыкант с ситаром перебирал его медные струны, а женщина, шедшая рядом, пела:

«Что за прелесть плясать под звон ситара: настрой ситар не слишком высоко, да и не слишком низко, и мы втянем в пляску сердца людей. Туго натянутая струна лопается, и музыке — конец; слабо натянутая струна безмолвствует и музыке — смерть; настрой же ситар не слишком высоко, да и не слишком низко».

Так пела танцовщица под звуки музыки, спускаясь по лесной тропинке от одной просеки к другой, подобно веселой пестрой бабочке; и не думала она, что легкая песенка ее может коснуться уха погруженного в думы святого человека, сидевшего под фиговым деревом у дороги. Но Будда поднял свое высокое чело при проходе шумной толпы и сказал:

—Безумные часто поучают умных: я, кажется, слишком натягиваю струну жизни, думая вызвать музыку, долженствующую спасти всех. Мои глаза тускнеют именно тогда, когда они начали прозревать истину, моя сила слабеет как раз в то время, когда я всего более в ней нуждаюсь; я должен получить теперь все необходимое человеку, иначе я умру, а вместе со мною — надежды всех людей!

Тут же, неподалеку, на берегу жил богатый и благочестивый человек, владеющий большими землями и стадами, добрый хозяин, друг всех бедных; по его имени и деревня называлась Сенани. В довольстве и мире жил

[1] священный шнур есть внешний знак отличия всякого брамина.

он со своей женой Суджатой, самой красивой из всех чернооких дочерей этой равнины. Любезная и правдивая, простая и кроткая, прямодушная и ласковая, она была приветлива ко всякому.

Это золото, а не женщина, проводила спокойно годы семейного счастья со своим мужем в мирном сельском уединении, горюя об одном, — что их супружеское счастье до сих пор еще не завершилось рождением сына. Много раз обращалась она с усердной мольбой к Лакшми[1], много ночей обходила она вокруг великого Лингама[2], девятью-девять раз прося у бога сына и принося в жертву рис, венки жасмина и сандальное масло; она обещала, если желание ее исполнится, поставить под деревом бога золотую чашу с обильною, хорошо-приготовленною пищею так, чтобы дэвы могли удобно вкушать эту пищу.

И молитва ее была услышана: три месяца тому назад у нее родился красивый мальчик, и он лежал у нее на груди, когда она, с благодарностью в сердце, шла в святилище лесного бога, придерживая одной рукой пунцовое сари, покрывавшее ребенка — ее сокровище, другою—грациозно поддерживая на голове чашу и блюдо с вкусною пищею для божества.

Слуга, посланный заранее вымести землю около дерева и обвязать его пунцовыми шнурками, вернулся поспешными шагами.

— Ах, дорогая госпожа, — воскликнул он, — посмотри, лесной бог сидит на этом месте, в образе человека с руками, сложенными на коленях! Посмотри, какое сияние окружает его голову! Какой у него кроткий! и величественный вид, какие небесные глаза! Ведь встретиться с богом — большое счастье!

Суджата также сочла царевича за божество: она с трепетом приблизилась, поцеловала землю и проговорила, опустив свою прекрасную головку:

— Да будет милостив ко мне, рабе своей, владыко, — обитатель этой рощи, податель благ, удостоивший меня своим присутствием! Да примет он наши ничтожные дары — это белоснежное, чистое, как слоновая кость, молоко, которым я только что наполнила эти сосуды!

Она налила молоко в золотую чашу и из хрустального кувшина полила на руки Будды розовой воды.

Он ел, не говоря ни слова, а счастливая мать стояла в почтительном отдалении.

Эта пища произвела чудотворное действие: господь наш почувствовал восстановление своих сил и возвращение жизни: бессонные ночи, дни воздержания миновали, точно сон. Казалось, что дух его питался вместе с телом и снова расправлял свои крылья, подобно птице, утомленной полетом чрез бесконечные песчаные пустыни и с наслаждением омывающей в реке

---

[1] Лакшми – богиня счастья и красоты, супруга Вишну.

[2] Лингам – мистический символ Шивы

запыленную шею и голову. Видя, что лицо господа становится все прекраснее и прекраснее, Суджата снова поклонилась ему.

— Ты вправду бог, — тихо спросила она, — и снискал ли дар мой милость пред тобою?

Но Будда спросил»:

— Что такое принесла ты мне?

— Святейший, — отвечала Суджата, — я взяла молоко от ста вновь отелившихся коров и этим молоком поила пятьдесят белых коров, а их молоком — двадцать пять других; молоком же этих двадцати пяти — опять шесть самых лучших, самых превосходных из всех, какие у нас есть! Подоив этих последних, я сварила молоко с сандалом и тонкими пряностями в серебряной чаше, примешивая к нему рис, выросший из амбарных зерен, посеянных на нови и подобранных так, что каждое зерно походило на жемчужину. Все это я делала от чистого сердца, так как я дала обещание, если рожу мальчика, принести жертву в благодарность за эту радость; и вот у меня родился сын, и жизнь стала счастьем!

Господь наш отстранил тихонько красные складки покрывала и, положив на маленькую головку руки, которыми совершилось спасение мира, произнес:

— Да будет долговечно твое счастье! Да окажется сыну твоему легким бремя жизни! Ты оказала помощь не богу, а мне — одному из твоих братьев; я был когда то царевичем, теперь же стал странником, и в течение шести тяжелых лет ищу день и ночь того света, которому предстоит разогнать мрак, в котором все еще пребывают люди, остающееся в неведении его. И я найду этот свет!.. Да, он уже начинает мерцать предо мною — лучезарный и благотворный, но моя слабая плоть изнемогла; твоя чистая пища, дорогая сестра, восстановила мои силы, эта пища, прошедшая чрез несколько жизней, укрепила жизнь подобно тому, как сама жизнь проходит чрез много рождений, пока достигнет блаженной высоты и очищения от грехов. Но неужели, в самом деле, находишь ты, что жизнь сама по себе — отрада? Ужели тебе только и надо, что жить и любить?

Суджата отвечала:

— Высокочтимый! Мое сердце не обширно, но и небольшой дождь может наполнить водою всю чашечку лилии, хотя он едва-едва орошает поле. Для меня довольно и того, чтобы солнце жизни светит мне в милости моего повелителя и в улыбке моего ребенка, распространяя теплоту и свет любви во всем нашем жилище. Дни мои проходят приятно среди домашних забот от самого восхода солнца, когда я просыпаюсь, возношу молитву богам, выдаю хлеб, украшаю дерево Тульси[1] и раздаю работу своим служанкам, до полу-

[1] Тульси или Туласи (Ocymum sanctum) есть название дерева, которое было посвящено Вишну и Лакшми и считалось отчасти проникнутым сущностью этих божеств, а потому и привлекало особое поклонение, как отдельное божество, к которому обращалась с молитвами.

дня, когда господин мой склоняет голову ко мне на грудь, усыпленный тихими песнями и движением опахала, и потом до ужина, когда ясным вечером я стою около него и прислуживаю ему! Звезды зажигают свои серебряные огни и провожают нас ко сну после молитвы в храме и беседы с друзьями. Как могу я не быть счастлива, когда боги в такой мере благословили меня, когда я сознаю себя матерью младенца, могущего, если то потребуется, указать путь к небу!

Ведь учат же нас священные книги, что человек, посадивший деревья, дающие тень путникам, устроивший водоемы на пользу людей или воспитавший сына, уготовляет себе благую часть после смерти; а что говорят книги, принимаю я со смирением, ибо знаю, что я не умнее великих мужей древности, говоривших с богами и знавших гимны и заклинания, и все пути жизни мирной и добродетельной. Я также думаю, что от доброго происходит доброе и от злого — злое, — всегда, везде, во всякое время, на всяком месте.

И опять, ведь, сладкие плоды вырастают от доброго корня, а горькие—от ядовитых отпрысков; ведь, как вражда порождает ненависть, так доброта создает друзей, и терпение низводит мир даже в нынешней нашей жизни; я думаю, что когда мы умрем, разве не настанет для нас тогда такое будущее, которое ни в чем не уступит настоящему и — кто знает? — окажется еще боле счастливым?

Ведь, одно зерно рису дает большой колос с пятидесятью зернами, а все эти прелестные белые и золотистые астры скрываются весною в маленьких, голых, серых почках. Ах, владыко, я знаю, есть такие горести, которые могут обратить в прах самое великое терпение! Если мой малютка умрет прежде меня, я думаю — сердце мое разорвется, я даже надеюсь на это! И тогда я стала бы держать его в своих объятиях и стала бы ждать моего повелителя в том мире, который уготован для верных жен; стала бы исполнять свой долг, свои обязанности до тех пор, пока не настанет его час.

Моя участь с радостью взирать, как факел зажжет жадное пламя костра и поднимет клубы дыма! В писании сказано: если индийская жена умрет таким образом — за каждый волос с ее головы дано будет ее мужу несколько лет жизни на небе. Поэтому я не знаю страха, о святой муж! Поэтому и течет радостно моя жизнь, но я не забываю и других, живущих в скорби и нищете, в болезни и бедности, — да будут к ним милостивы боги! Что до меня, — я стараюсь не пропускать мимо того добра, совершить которое достается на мою долю, и живу, повинуясь законам и твердо веруя, что долженствующее быть — будет, а долженствует быть—не иное что, как благо! Тогда заговорил господь:

— Ты можешь учить учителей, — сказал он,— твои простые речи мудрее мудрости. Будь довольна своим незнанием, если путь истины и долга тебе известен: расти, прелестный цветок, среди своей мирной тени, полуденный свет истины преждевременен для нежных лепестков; они широко раз-

растутся под другими солнцами, в позднейшей жизни, и тогда вознесут вершину до неба. Ты покланялась мне, а я покланяюсь тебе! Чудное сердце! Ты знаешь, не учась, как вдохновленный любовью голубь, находящей дорогу домой! Видя тебя, можно понять, почему есть еще для людей надежда и почему мы добровольно держимся за колесо жизни. Да будет мир и радость с тобою во все дни твои, и да свершу я мое так же, как свершила ты свое! Тот, кого ты считала богом, просит тебя пожелать ему этого!

— Да будет так! — сказала она, устремляя вдумчивый взгляд на ребенка, который протягивал к Будде свои нежные ручки, зная, быть может, более, чем мы предполагаем и преклоняясь пред господом. А он, подкрепленный чистою пищею, встал и направил стопы свои к великому дереву, — дереву Бодхи (с тех пор оно осталось неувядаемым и сохраняется на вечное поклонение миру), под тенью которого суждено было истине открыться Будде. Учитель провидел это: направляясь к древу мудрости, он шел мерным шагом, твердо, величественно. Миры! Ликуйте!.. Господь наш шествует к древу!

Когда он подходил под сень стройных стволов, покрытых сводом блестящей листвы, земля благоговейно приветствовала его, преклоняя пред ним свои травы и усыпая путь его внезапно распустившимися цветами. Деревья леса склоняли свои ветви, давая ему тень; водяные боги посылали ему с реки прохладный ветерок, наполненный благоуханием лотосов. Лесные звери, — пантеры, вепри, олени, — забыв свои раздоры, смотрели из чащ и пещер большими удивленными глазами на его кроткий лик. Из холодной расщелины камня выползла пятнистая ядовитая змея и потрясала головой в честь господа; пестрокрылые бабочки обмахивали его своими лазурными, зелеными и золотистыми крыльями; хищный коршун с криком выпустил свою добычу; полосатая векша перепрыгивала с дерева на дерево, стараясь лучше видеть его; ткач чирикал, раскачиваясь в своем воздушном гнезде; ящерица подбегала к нему, голуби собирались стаями, даже пресмыкающиеся знали, что готовится, и радовались.

Голоса неба и земли соединялись в одну песню, которая для ушей, умеющих слушать, звучала так: «Господь и друг! Ты, любвеобильный спаситель! Ты, который преоборол гнев и гордость, и желания, в опасения, и сомнения! Ты, который принес себя в жертву за всякого и за всех, шествуй к древу! Печальный мир благословляет тебя: ты — Будда, долженствующий облегчить его страдания! Шествуй, благословенный и поклоняемый! Возвести последнюю борьбу за нас, о! победоносный царь! Твой час настал! Вот та ночь, которую ожидали века!»

И вот настала, ночь, в тот именно час, когда наш учитель воссел под древо. Но тот, кто есть царь тьмы — Мара, зная, что пришел Будда, искупитель, что настал час, когда он должен открыть истину и спасти миры, со-

брал все подвластные ему злые силы. Они слетелись из глубоких бездн, они — эти враги знания и света — Арати, Трипша, Рага, со своим воинством страстей, страхов, неведения, вожделений, — со всем отродьем мрака и ужаса; все они ненавидели Будду, все хотели смутить его душу. Никто, даже и мудрейшие из мудрых не знают, как исчадия ада боролись в эту ночь, чтобы только воспрепятствовать Будде открыть истину.

Они то насылали страшную бурю, потрясая воздух грозными раскатами грома, то из расщелины неба осыпали землю красными стрелами ярости, то коварно нашептывая сладкозвучные речи, принимали образы обворожительной красоты, являвшейся среди очаровательного шелеста листьев при тихом ветерке, то пленяли сладострастным пением, шепотом любви, то искушали приманкой царской власти, то смущали насмешливым сомнением, доказывая всю тщету истины.

Являлись ли они видимыми, принимали ли внешний образ или, может быть, Будда боролся с враждебными духами в глубине своего сердца — я того не знаю, я переписываю то, что написано в древних книгах, и только.

Сначала явились поочередно десять главных грехов, могучие воины Мары, ангелы зла.

Первый — Аттавада — Себялюбие — которое во всей вселенной, как в зеркале, видит отражение своего лица и, восклицая «я», хочет, чтобы весь мир сказал «я», чтобы все погибло, если ему приходится страдать.

— Если ты Будда, — сказал он, — пусть другие блуждают во мраке, довольно с тебя, что ты сам спасешься, неизменно оставаясь тем, чем ты стал; восстань и прими благословение богов, не изменяющихся, не волнующихся, не умирающих!

Но Будда отвечал;

– Истинное в твоих словах - презренно; неистинное — проклято; искушай того, кто любит самого себя!

Затем явилось бледное сомнение, демон отрицания, дух насмешки, и прошипело над ухом учителя:

— Все существующее — один призрак и тщетно узнавать его тщету! Ты гонишься за своею собственною тенью; восстань и уходи, нет другого пути кроме терпенья и презренья, нет спасенья для людей, нет возможности остановить колесо жизни!

Но господь наш отвечал!:

— У меня нет ничего общего с тобою, лживый Висикитча, лукавейший из людских врагов!

После этого явилась Силабат-парамаса, колдунья, которая придает силу темным верованьям, господствует во многих странах под видом младшей сестры настоящей веры и вечно обманывает души пустыми обрядами и молитвами, хранительница ключей, будто бы запирающих ад и открывающих небо.

— Неужели ты осмелишься, — сказала она ему,— отвергнуть наши священные книги, свергнуть с престола наших богов, опустошить наши храмы, уничтожить закон, который дает пропитание жрецам и поддерживает государства? Но Будда отвечал:

— То, что ты мне велишь хранить, есть форма, которая отживает; свободная истина — вечна! Вернись в свой мрак!

Затем приблизился более мужественный соблазнитель, Кама, царь страстей, имеющий власть даже над богами, царь всякой любви, правитель царства наслаждений. Он подошел к дереву, смеясь и пряча свой золотой лук, обвитый красными цветами, и стрелы желания с пятью нужными языками пламени на заостренных концах, — стрелы, поражающие сердце более метко. чем отравленное острие.

Вместе с ним явилась в это уединенное место толпа светлых призраков с небесно-прекрасными глазами и губами; они сладостно ворковали хвалу любви; вторя музыке невидимых струн, они пели так обольстительно, что, казалось, сама ночь прислушивалась к их песне, и звезды и месяц останавливались в своем движении, внимая тому, как они пели Будде о потерянном блаженстве, о невозможности для смертного найти во всех трех мирах ничего дороже нежных персей отдающейся ему красавицы, ничего поразительнее гармонии форм прекрасного тела, этой неизреченной, но в то же время и красноречиво говорящей душе гармонии, сознаваемой в волнении крови, боготворимой желаниями, стремящимися овладеть ею, как заведомо лучшим благом в свете, как истинным небом, в котором смертный уподобляется богам, является творцом и властелином, приобретается дар из даров, вечно новый и вознаграждающий тысячи страданий.

Кто может чувствовать печаль, когда нежные руки крепко обнимают его и вся жизнь сливается в одном счастливом вздохе, и целый мир дается в одном горячем поцелуе? Так пели они, нежно маня его руками, тогда как глаза их горели пламенем любви, губы соблазнительно улыбались. В сладострастных танцах они то выставляли, то прятали свои гибкие члены, подобно цветочным почкам, обнаруживающим окраску, но скрывающим сердце цветка. Восхищенный глаз никогда не видал ничего обольстительнее этих полуночных танцовщиц, прилетавших к дереву, одна другой прелестнее.

— О великий Сиддхартха! Я твоя, — шептали они, — испытай сладость моего поцелуя и скажи, сладка ли юность?!

Но ничто не трогало душу нашего учителя.

Тогда Кама взмахнул своим волшебным жезлом—толпа танцовщиц расступилась и появилось виденье, превосходящее все прочие красотою и стройностью, — виденье, принявшее образ прелестной Ясодхары. Ее темные глаза, горевшие нежною страстью, были полны слез; она с томлением протягивала объятия и, как музыка, прозвучал шепот его имени на устах очаровательной тени.

— Царевич! Я умираю от тоски по тебе, — вздыхала она. — Где нашел ты небо, подобное нашему, отражающемуся в водах светлой Рохини, извивающейся у стен наших увеселительных теремов? Не здесь ли я оплакивала тебя все эти томительные годы! Вернись, Сиддхартха, вернись! Только раз коснись снова губ моих, только позволь еще раз приклониться к груди твоей, и все эти бесплодные мечтания исчезнуть! О, взгляни! Разве я не та, которую ты любил?

Но Будда сказал:

— Ты просишь от имени моей милой, прелестная, коварная тень! Но твои просьбы напрасны; я не проклинаю тебя, так как ты носишь дорогой мне образ, но ты такой же призрак, как все земные призраки! Обратись в ничтожество, из которого ты вышла!

Тогда по лесу пронесся крик, и вся толпа красавиц исчезла, мерцая пламенем блуждающих огней и кутаясь в складки своих длинных туманных одежд.

После этого небо омрачилось и в шуме поднявшейся бури явились более свирепые страсти — последние из десяти: Патигха—Ненависть со змеями, обвившимися вокруг ее тела, сосавшими отравленное молоко из ее отвисших грудей и мешавшими свое злобное шипенье с ее проклятиями. Мало взволновала она святого, спокойным взором заставившего смолкнуть ее злые речи. Её черные змеи скорчились и спрятали свои ядовитые зубы.

За ненавистью последовала Рупарага —Чувственность, которая из любви к жизни забывает жить, а за ней более благородная Арупарага—Любовь к славе—обольщениям которой поддаются самые мудрые, мать смелых подвигов, борьбы, тяжелых трудов.

Затем явился спесивый Мано, демон гордости, льстивый Уддхачча, демон самооправдания, и, наконец, в сопровождении безобразной толпы извинявшихся и пресмыкавшихся бесформенных, поганых существ, похожих на нетопырей и жаб, Невежество,—мать страха и неправды, Авидья, отвратительная колдунья, от приближения которой полночь стала чернее, крепкие горы заколебались, дикие ветры завыли, прорвавшиеся тучи пролили из недр своих потоки блиставшего молнией дождя; звезды попадали с неба, твердая земля содрогнулась, как будто приложили огонь к ее зияющим ранам, черный воздух наполнился шелестом крыльев, визгом и криком, злыми и страшными лицами властителей тьмы, из тысячи адов привлекших свое воинство для искушения учителя.

Но Будда не замечал их; спокойный, сидел он, огражденный добродетелью, как стенами и валами крепости. И священное древо—древо Бодхи—также оставалось спокойно среди этого смятения: каждый лист его сиял так спокойно, как в полнолуние, когда легкий зефир не может сбросить блестящих капелек росы. Природа свирепствовала и бушевала вне тени, бросаемой его густыми ветвями.

В третью стражу, когда адские легионы улетали, нежный ветер понесся от заходящей луны, и наш учитель достиг Сама-Самбодхи: он увидел при свете, недоступном нашим человеческим чувствам, ряд всех своих давно прошедших существований во всех мирах; погружаясь далее и далее в глубину времен, он узрел пятьсот пятьдесят отдельных существований.

Как человек, достигший вершины горы, видит весь пройденный им путь, извивающийся мимо пропастей и скал по густо-заросшим лесам, по болотам, блистающим обманчивой зеленью, по холмам, на которые он взбирался, задыхаясь, по крутым склонам, на которых скользила нога его, мимо залитых солнцем равнин, водопадов, пещер и озер вплоть до той мрачной равнины, откуда начался его путь в небесную высь.

Так и Будда видел длинную лестницу человеческих жизней с первых ступеней, на которых существование является неизменным, до высших и самых высоких, на которых восседают десять великих добродетелей, облегчающих путь к небу.

Будда видел также, как новая жизнь пожинает то, что было посеяно старою, как течение ее начинается там, где кончается течение другой, она пользуется всеми приобретениями, отвечает за все потери предшествовавшей; он видел, что в каждой жизни добро порождает новое добро, зло — новое зло, а смерть подводит всему итоги, при чем счет достоинств и недостатков ведется самый точный, ни одно данное не забывается, все передается верно и правильно вновь зарождающейся жизни, наследующей все прошедшие мысли и поступки, все плоды борьбы и победы, все черты и воспоминания предыдущих существований.

В среднюю стражу учитель наш достиг Абхиджны — широкого прозрения в области, лежащие вне нашей сферы, в сферы, не имеющие названий, в бесчисленные системы миров и солнц, двигающихся с поразительною правильностью, мириады за мириадами, соединенных в группы, в каждой из которых светило является самостоятельным целым и в то же время частью целого. Одним из серебристых островов на сапфировом море, безбрежном, неизведанном, никогда не убывающем, — море, вечно колеблемом волнами, вздымающемся в беспокойном стремлении к переменам. Он увидел владык света, которые держат миры невидимыми узами, а сами покорно движутся вокруг более могущественных светил, источников более яркого света, переходя от звезды к звезде и бросая непрестанное сияние жизни из вечно меняющихся центров до самых последних пределов пространства.

Все это он видел в ясных образах, циклы и эпициклы — весь ряд кальп и махакальп —пределы времени, которого ни один человек не может охватить разумом, хотя бы он и мог счесть по каплям воды Ганга от его истоков до моря; все это неуловимо для слова: — каким образом совершается их возрастание и убывание; каким образом каждый из небесных путников

свершает свое сияющее бытие и погружается во тьму небытия. Саквал за саквалом проницал он глубину и высоту, проносился по бесконечной лазури пространства и прозревал — за пределами всех форм, всех сфер, всякого источника движений всех светил. То незыблемое и безмолвно-действующее веление, согласно которому тьма должна развиваться в свет, смерть — в жизнь, пустота — в полноту, бесформенность — в форму, добро — в нечто лучшее, лучшее — в совершеннейшее; этому невысказываемому велению никто не противится, никто не прекословит, ибо оно сильнее самих богов, оно неизменно, невыразимо, первоверховно. Это — власть созидающая, разрушающая и воссоздающая, направляющая всё и вся к добру или — что то же — к красоте, истине и пользе.

Таким образом, всё существующее служит этой силе себе во благо и, противодействуя ей, совершает зло; и червь отсюда не изъят, и даже ястреб, принося окровавленную добычу своим птенцам, не совершает зла. Капля росы и звезда, как сестры, сияют, смешиваясь в общем ходе жизни, и человек, который живет, чтобы умереть, и умирает, чтобы жить лучше прежнего, если идет безупречным путем и серьезно желает не препятствовать, а помогать всем существам — великим и малым — претерпевать жизнь. Все это увидел наш учитель в среднюю стражу.

А когда настала четвертая стража, он познал тайну страдания, совместно со злом, извращающим закон, подобно пару, не дающему разгораться огню кузнеца.

Ему открылась Дукха-Сатья, первая из четырех «Святых Истин»; он познал, что страдание является тенью жизни, движущейся вслед за жизнью; его нельзя устранить, не устранив самой жизни со всею изменчивостью её стадий — рождением, ростом, упадком, любовью, ненавистью, удовольствием, печалью, бытием и действием. Никто не может избегнуть её грустных наслаждений и приятных печалей, если не имеет знания, показывающего их призрачность.

Но тот, кто знает, что **Авидья — Обольщение** —пользуется этими призраками, как западней, перестает любить жизнь и заботится лишь о том, как от нее избавиться. Кругозор такого человека обширен: он видит, что Обольщение порождает Санкхару — порочные стремления, стремления порождают Энергию — Виднан, за которой следует Намарупа — внешняя Форма, имя и воплощение, производящее человека, живо чувствующего все ощущаемое, беззащитно отражающего в себе все призраки, мелькающие пред его сердцем.

И таким образом возникает Ведана, жизненное Чувство, обманчивое в своих радостях, жестокое в своих скорбях, но радостное или скорбное, оно дает начало матери желаний — Тришне, этой жажде, заставляющей всех живущих пить все больше и больше тех соленых вод, по которым они носятся, упиваться удовольствиями честолюбия, богатства, чести, славы, владычества, победы, любви, роскошной пищи и одежды, красивого жилища, гор-

дости своим происхождением, сластолюбия, борьбы за существование и грехов, то сладких, то горьких, порождаемых этою борьбою.

Таким образом жажда жизни утоляется напитками, удваивающими жажду, но мудрый уничтожает в своей душе эту Тришну, не питает своих чувств обманчивыми призраками, твердо настраивает свою душу так, чтобы она ничего не искала, не боролась, не стремилась ко злу; он кротко переносит зло, порожденное прошлым беззаконием, и подавляет страсти отказом удовлетворения до полного уничтожения их: тогда-то, наконец, вся сумма прожитой жизни — карма — весь итог души, показывающей, какие поступки она свершала, какие мысли имела, все, что мы считаем собою, это наше «я», сотканное из нитей бесконечного времени на невидимой основе действий, получает во вселенной удел чистоты и безгрешности.

Ему становятся излишни поиски нового тела, нового места, — не нужны заботы о новом образе бытия в новом существовании — заботы об облегчении грядущих испытаний. «Стезя пройдена» — и вот «карма» свободна от земных обманов; избавлена от всех вожделений (скандх) плоти; освобождена от уз—от Упадан—от вращения колеса; она бодрствует, она здорова, как человек, проснувшийся после тяжкого сна. Теперь она выше царей, счастливее богов! Болезненная падкость к существованию прекращается, и жизнь протекает без жизни в невыразимо спокойной, невыразимо блаженной, благословенной Нирване, бесчувственном, неподвижном покое — этом новом изменении, которое уже никогда не изменится!

Первые лучи утренней зари осветили победу Будды! На востоке зажглись первые огни светлого дня, пробиваясь сквозь темные покровы ночи. Утренняя звезда блекла на голубом небосклоне, а блестящие полосы розового цвета разгорались все ярче и ярче, прорезая серые облака. Окутанные тенью горы увидели великое солнце ранее, чем весь остальной мир, и украсили пурпуром свои вершины: цветы почувствовали теплое дыхание утра и развернули свои нежные лепестки.

Кроткий свет прошел тихою стопой по блестящей траве и превратил слезы ночи в сверкающие алмазы, покрыл землю сиянием, окаймил золотом заходившие тучи, позолотил верхушки пальм, которые прошептали ему радостное приветствие. И вот солнце устремило золотые лучи в просеки; превратило своим волшебным прикосновением реку в расплавленный рубин, отыскало в чаще робкие глаза антилопы и сказало ей: «День настал!», – коснулось маленьких птичек в гнездах, где они притаились, подвернув головки под крылышки, и шепнуло им: «Дети, хвалите дневной свет!».

И все птицы воспели (славословие: соловей—гимн, пестрый дрозд—приветствие утру, ангинга защебетала и полетела собирать мед прежде пчел; серая ворона закаркала, попугай закричал, зеленый кузнец застучал, голуби завели свой бесконечный разговор. Так волшебно было веяние этого

великого рассвета, явившегося вместе с победой, что всюду, вблизи и вдали, во всех жилищах людей, распространился неведомый мир.

Убийца спрятал свой нож; грабитель отдал назад добычу; меняло отсчитал деньги без обмана; все злые сердца стали добрыми, когда луч этого божественного рассвета коснулся земли. Цари, которые вели ожесточенную войну, заключили мир; больные весело встали с одра болезни; умирающие улыбнулись, как будто знали, что радостное утро распространилось от источника света, воссиявшего дальше самых восточных окраин земли.

И на сердце печальной Ясодхары, сидевшей грустно возле постели царевича Сиддхартхи, снизошла внезапная радость, как будто любовь ее не омрачилась, как будто печаль ее должна окончиться счастьем. Весь мир почувствовал, не сознавая тому причины, такую же радость: над сухими пустынями пронеслись веселые песни бесплотных духов, прозревающих появление Будды, и воздушные дэвы восклицали: «Свершилось! Свершилось!»

И жрецы вместе с удивленным народом стояли и смотрели на волны золотистого света, разливавшегося в небесах, и говорили: «Что-то великое свершилось!» — Все жители лесов и кустарников проводили этот день в мире. Пятнистый олень бесстрашно пасся рядом с тигрицей, кормившей своих детенышей; лань пила из озера рядом с хищным зверем; серые зайцы бегали под скалой орла, а он только чистил острый клюв о лениво опущенное крыло; змея развертывала на солнце свои блестящие кольца и прятала ядовитые зубы; балабан не трогал зяблика, строившего себе гнездо. Изумрудная гальциона, зимородок, смотрели задумчиво на игравших рыб; щурка не ловила бабочек, хотя они порхали вокруг ее ветки, сияя пурпуром, лазурью и янтарем; дух нашего учителя почивал на людях, птицах и зверях, хотя сам он сидел под деревом Бодхи, прославленный победой, одержанной на благо всех, озаренных светом более ярким, чем свет солнца.

Наконец, он встал лучезарный, радостный, могучий и, возвысив голос, произнес во всеуслышание всех времен и миров:

«Многие обители жизни удерживали меня, непрестанно ищущего того, кто воздвиг эти темницы чувственности и скорби. Тяжела была моя неустанная борьба! Но ныне, о, строитель этих обителей, я знаю тебя! Никогда боле не удастся тебе вновь воздвигнуть эти приюты страданий, никогда не доведется тебе укрепить еще раз своды обмана, никогда не сможешь ты поставить новые столбы на ветхие устои! Разрушено твое жилище, и кровля его разметана! Обольщение воздвигло их! Невредимым выхожу я, обретая спасение».

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Печально жил эти долгие годы царь Суддходана среди своих верных сакьев, томясь желанием снова увидеть сына, услышать его голос.

Печально жила в эти же годы и прекрасная Ясодхара — вдова живого мужа, не зная никаких радостей жизни, оплакивая своего повелителя-царевича.

При всяком, известии о вновь появившемся отшельнике, встреченном в дальних странах вожатыми верблюдов или продавцами, выбирающими ради выгоды мало посещаемые дороги, царь посылал гонцов, привозивших ему рассказы о каком-нибудь святом мудреце, жившем уединенно, вдали от родины; но никто ничего не говорил о нем, венце славнейшего рода Капилавасту, о нем — гордости и надежде царя, предмете любви нежной Ясодхары, — никто ничего не знал о нем — далеком страннике, забывшем теперь, быть может, свою родину, изменившемся или умершем.

Но вот однажды во время праздника Васанты[1], когда серебристые ветви появляются на деревьях манго и вся земля облекается в весенние одежды, царевна сидела в саду, на берегу светлой реки, блестящие струи которой, окаймленные цветами лотоса, так часто отражали в прежние счастливые дни их сплетающаяся руки, их губы, ищущие поцелуя. Глаза ее были красны от слез, нежные щеки исхудали, прелестные губы приняли страдальческое выражение; роскошные волосы были крепко завязаны и спрятаны по обычаю вдов; она не носила украшений, никакой драгоценный камень не служил застежкой грубого траурно-белого платка на груди ее. Тихо, болезненно передвигались эти маленькие ножки, которые прежде, со скоростью газели, устремлялись на его любовный призыв.

Ее глаза, эти светочи любви, которые сияли, как солнце, прорывающее густую тьму, освещая тишину ночи дневным блеском, потухли теперь и, вечно скрытые под сенью шелковых ресниц, блуждали бесцельно, едва замечая признаки приближающейся весны.

В одной руке она держала вышитый жемчугом пояс, — пояс Сиддхартхи, сохраненный ею с той самой злополучной ночи – ночи его бегства (о горькая ночь! Мать печальных дней! Когда же верная любовь была так безжалостна к любви, разве только, когда не хотела ограничить любовь одною жизнью?) — другою рукою она вела своего маленького божественно-прекрасного сына, залог, оставленный ей Сиддхартхою, — семилетнего Рагулу, который весело бежал рядом с матерью, радуясь весенним, едва начинавшим распускаться, цветам.

---

[1] Праздник Васанты - весенний праздник в честь Сарасвати — богини искусств и наук. Верующие не читают и не пишут в этот день. Богослужение совершается или пред изображением богини, или пред ее символом — письменными принадлежностями.

Они остановились на берегу пруда, поросшего лотосом, и Рагула, смеясь, кормил голубых и красных рыбок, бросая им зерна риса, а она печальными глазами следила за улетавшею стаею журавлей.

— О вы, пернатые созданья, — говорила она, — если вы в своих странствиях встретите место, где скрывается он, дорогой моему сердцу, скажите ему, что Ясодхара умирает от желания коснуться его руки, услышать одно слово из его уст!

Так гуляли они, мать и сын, он — играя, она — вздыхая, когда к ним приблизились придворные девушки.

— Великая царевна, — сказали они,—чрез южные ворота приехали купцы из Хастинпура, Трипуша и Бхаллук; это — почтенные люди, они много путешествовали и теперь идут от самого берега моря; они привезли замечательно красивые материи, затканные золотом, стальные с золотой насечкой клетки, кованные чаши, вещи из слоновой кости, пряности, лекарства, неизвестных птиц, разные сокровища дальних стран. И еще они привезли то, что дороже всего остального: они видели его — владыку твоего и нашего —надежду всей страны — Сиддхартху! Они видели его лицом к лицу, они преклонили пред ним головы, они поднесли ему дары: он достиг всего, что было предсказано, он стал, учителем мудрецов, всепрославленным, святым, великим, Буддою; он освободит людей и спасет всякую плоть своими кроткими речами, своим милосердием, всеобъемлющим как небо! И, внемли! — по их словам, он направляется сюда!

Кровь радостно взыгралась в жилах Ясодхары, как воды Ганга, когда горные снега начинают таять у его истоков; она захлопала в ладоши, засмеялась, и слезы радости засверкали на ее ресницах.

— О, позовите скорей этих купцов, — вскричала она, — позовите их в мою горницу! Как жаждет воды пересохшее горло путника, так жаждут уши мои упиться их благословенным вестями! Идите, приведите их, скажите им, что если они рассказывают правду, я наполню их мешки золотом и драгоценными камнями, которым позавидуют цари!.. Приходите и вы, девушки, я и вас награжу, если можно выразить дарами благодарность моего сердца!

Купцы вошли в увеселительный дворец в сопровождении любопытных служанок. Осторожно ступали они разутыми ногами по дорожкам, усыпанным золотом, и удивлялись роскоши царского жилища; когда, раздвинув складки занавеси, они очутились в комнате царевны, на встречу им прозвучал, как очаровательная музыка, нежный и нетерпеливый голос.

— Вы приехали издалека, почтенные господа, и вы, говорят, видели моего царевича, вы даже покланялись ему, так как он стал Буддою, всеми почитаемым, святым спасителем людей, и он теперь будто бы направляется сюда. Скажите! Если слова ваши окажутся истинными, вы будете приняты как друзья в моем доме, как дорогие, желанные гости.

В ответ сказал Трипуша:

— Мы видели святого учителя, царевна! Мы припадали к ногам его, ибо тот, кто перестал быть царевичем, является ныне более великим, чем царь царей. Под древом Бодхи, на берегу Фальгу свершилось то, что спасет мир, свершилось чрез его посредство — им, другом всех, владыкою всех. Твоим другом, твоим царевичем, великая царевна! Благодаря твоим слезам люди получат то благо, которое низведет на них слово учителя. Знай, он теперь стал превыше всякого зла, он, подобно богу, недоступен земным страданиям, он сияет вновь открытой, лучезарной, светлой истиной! Он шествует из города в город, поучая людей следовать тому пути, который ведет к миру; — и сердца людей следуют по стопам его, как листья, сгоняемые ветром, как овцы за своим пастырем! Мы сами слышали близ Гайи, в зеленой роще Тчирника, его чудные речи и преклонились пред ним. Он придет сюда, прежде чем падут первые дожди!

Так повествовал он, и Ясодхара от радости едва владела собой, едва могла проговорить:

— Будьте благословенны вы отныне и во веки веков, дорогие друзья, принесшие столь радостную весть! Но не знаете ли вы, как совершилось это великое событие?

Тогда рассказал Бхаллук то, что знали соседние жители о страшной борьбе той ночи, когда воздух омрачился от адских теней, и земля содрогалась, и воды поднимались от ярости Мары. И о том, какое лучезарное утро настало вслед за ночью, о том, как оно сияло восходящею надеждою для человечества, и как учитель радовался, сидя под древом.

Он радовался, но все-таки мысль о том, что он достиг безопасного берега истины, освободясь от всех бурь сомнений много дней лежала золотой тяжестью на сердце его: «Как могут, — думал Будда, — люди, подвластные своим грехам, приверженные к обманчивым призракам чувств и из тысячи источников жадно пьющие заблуждения, как могут они, не имеющие разума, чтобы видеть, и силы, чтобы разорвать чувственные сети, оплетающие их, как могут они принять двенадцать нидан и Закон, всех освобождающий, всем служащий на пользу; ведь и птица в неволе часто не решается вылететь из открытой клетки». И вот, мы едва не лишились плодов великой победы, так как Будда, ступив на путь истины, считал его слишком тяжелым для ног смертных и хотел идти по нему один, без последователей. Долго колебался и размышлял наш милосердый учитель; но в этот час вдруг раздался резкий голос, точно вопль земли, стонущей в муках родов.

«Наверное погибла я и мои создания»!

Затем молчание, и потом молящий вздох, принесенный западным, ветром:

«Святейший, да провозгласится твой великий Закон»!

Тогда решил учитель дать плоть своему провидению и обдумал, кто должен услышать его теперь же и для кого время это настанет в будущем;

так всеведущее солнце, скользя по заросшему лотосом пруду, знает, какой цветок распустится под его лучами и какой еще не дорос до цветения; затем он произнес с божественной улыбкой:

«Да, я пойду на проповедь! Кто хочет меня слушать, пусть тот и поучается закону»!

Дальше купцы рассказали, что Будда через горы прошел в Бенарес и там открыл истину пяти святым мужам. Он возвестил им упразднение возрождений и установление судьбы людей исключительно их прошлыми деяниями, объяснил, что нет иного ада, кроме созданного самим человеком; нет неба настолько высокого, чтобы не мог достигнуть его тот, чьи страсти могли быть превзойдены. Это было в пятнадцатый день Вайшия, после полудня, и в эту ночь светила полная луна. Из пятерых риши, принявших четыре истины, вступивших на стезю, первый был Каундипья, потом Бхадрака, Асваджит, Бассава и Маханама.

Кроме пяти отшельников у ног Будды сидел царевич Ясад с пятьюдесятью пятью благородными юношами; они слушали святую проповедь учителя, они преклонились пред ним и последовали за ним, ибо всякий, кто слышал его, почувствовал мир в душе, узнал, что близится новая жизнь для людей; так внезапно появляются цветы и травы среди песчаной пустыни, когда там заструится вода.

Говорят, что наш учитель послал проповедовать стезю этих шестьдесят первых учеников, освободившихся от страстей, достигших совершенства в самообуздании; сам же высокочтимый направился к югу от Бенареса и Исипатана в Яшти, во владения царя Бимбисары, где он учил много дней; после этого царь Бимбисара и весь народ его уверовал, научился закону любви и жизни по закону.

Бимбисара отдал учителю в дар, омыв водою руки Будды, бамбуковый парк — Велувану, в нем есть и реки, и пещеры, и прелестные рощи; царь велел поставить в нем камень со следующею надписью: «Поддерживание течения и причины жизни объяснено нам Татхагатою. Избавление от страданий открыто нам нашим Учителем».

В этом же саду, по словам повествователей, происходило большое собрание. Учитель проповедовал как мудрец и власть имеющий, привлекая души всех слушателей; девятьсот человек, облачились в желтые одежды, точно такие, как носит сам учитель, и пошли распространять его учение. Вот каким изречением закончил он свою проповедь:

«Зло умножает долг, который надлежит уплатить;

добро избавляет и выкупает; избегай зла, следуй добру, имей власть над собою! В этом и состоит путь к спасению!».

Когда купцы кончили свой рассказ, царевна осыпала их благодарностью и дарами, пред которыми побледнели бы алмазы.

— А по какой дороге направился владыко? — спросила она.

— От здешних городских ворот до Раджагрихи шестьдесят иожан, оттуда идет хорошая дорога через Сону и через горы. Наши волы прошли ее в один месяц, делая всего по шести косс в день.

Узнав об этом, царь избрал из числа своих придворных девять отдельных посольств и на хороших лошадях разослал их в разные страны, повелев каждому отдельному послу высказывать от его имени нижеследующее: «*Царь Суддходана, приблизившийся к погребальному костру на семь тяжелых лет, во время которых он не переставал тосковать по тебе, просит сына своего вернуться домой, к престолу и опечаленному народу, иначе он умрет, не увидев более лица твоего*».

Ясодхара также послала девять верховых и велела им сказать царевичу:

«Царевна твоего дома, мать Рагулы, жаждет увидать лицо твоё, подобно тому, как цветок лунной травы, распускающийся лишь ночью, томится по сиянию месяца. Если ты нашел более, чем потерял, она хочет иметь свою долю в найденном, долю Рагулы, а в особенности хочет иметь тебя самого».

Сакийские князья, избранные послами, не теряя времени отправились в путь, но случилось так, что каждый из посланных вступил в Бамбуковый парк в то самое время, когда Будда проповедовал свое учение; услышав его, каждый из них утрачивал память о том, что должен был сказать, забывал о царе и его поручении, забывал даже о печальной царевне; каждый жадно смотрел на учителя, всем сердцем слушал его речь, полную милосердия, величия, совершенства, чистоты, речь, слетавшую с его священных уст и всех просвещавшую.

Подобно пчеле, вылетавшей за сбором меда и видящей рассеянные по равнине цветы могра, наполняющие воздух сладким благоуханием, и устремляющейся к их нектару без заботы о том, достаточно ли меду в улье или нет, близится ли ночь, наступает ли гроза, так и послы, услышав слова Будды, забыли цель своего приезда и, не думая ни о чем, смешались с толпою, следовавшей за учителем. Тогда царь послал Удайи, главного из своих придворных, вернейшего слугу и товарища Сиддхартхи в прошлые более счастливые дни; он, подходя к парку, сорвал несколько хлопьев с хлопкового куста и заткнул себе ими уши: благодаря этому он избавился от общей опасности и мог передать поручение царя и царевны.

Выслушав его, учитель смиренно склонил голову и сказал при всем народе:

— Конечно, я приду! Это — мой долг и мое желание! Всякий должен оказывать уважение тем, кто дал ему жизнь и вместе с этим средство не жить и не умирать больше, но спокойно достигнуть благословенной Нирваны, если он сохранит закон, очистится от прежних пороков и не приобретет

новых, если он будет совершенен в любви и в милосердии. Скажи царю, скажи царевне, что я отправляюсь к ним!

Когда решение это стало известно жителям белой Капилавасту и соседних деревень, они приготовили все к встрече царевича. Около южных ворот раскинут был великолепный шатер. Между увитых цветами столбов развевались широкие складки шелковой красной и зеленой материи, затканной золотом. Дороги устланы были душистыми ветвями манго и нима, облиты благовониями жасмина и сандального дерева. Всюду развевались флаги, заранее отдано было повеление о числе слонов с серебряными седлами и позолоченными клыками, которые должны были ждать царевича на берегу, и о месте, откуда должен раздаться барабанный бой и крик: «Сиддхартха едет!» Указано было и то место, где сановники сойдут с коней и поклонятся ему и где танцовщицы начнут с пением и танцами бросать цветы, так чтобы конь его шел по колено в розах и благовонных травах. Все улицы должны были принять нарядный вид; в городе должны были раздаваться музыка и крики радости.

Таковы были приготовления, и каждое утро все с нетерпением прислушивались, не раздается ли барабанный бой, извещающий, что «он едет!».

Но он не появлялся.

Ясодхара, мучимая нетерпением, отправилась в носилках к городским стенам, туда, где возвышался роскошный шатер.

Прелестный сад — Нигродха, осененный кудрявыми финиковыми пальмами и другими красивыми деревьями, расстилался вокруг; он был изящно расположен и веселил взор своими извилистыми дорожками и коврами своих цветов и плодов. Южная дорога шла мимо его полян; с этой стороны глаз путника, проходившего по ней, останавливался на зелени и цветах, а с другой, противоположной — на убогих лачугах, в которых жил пригородный, бедный, выносливый люд низкого происхождения, не смевший своим прикосновением осквернять кшатриев и жрецов Брахмы. И эти бедняки также с нетерпением ждали его прихода: они до рассвета бродили по дороге и влезали на деревья, заслышав вдали крик слона или бой барабана, призывающего в храм; видя же, что никого нет, они принимались за какие-нибудь работы, предназначавшиеся для встречи царевича: мыли каменные ступени перед домами, поправляли флаги, плели венки из перистых фиговых листьев и украшали ими изваяния Лингама, заменяли вчерашнюю зелень на арках новою, свежею и обращались ко всякому прохожему с вопросами о всеми ожидаемом, великом Сиддхартхе.

Все это замечала царевна, устремляя полные любви и томления глаза на южную долину, прислушиваясь подобно им, не принесут ли прохожие каких вестей с дороги. И вот увидала она на этой дороге тихо приближавшегося путника, с обритой головой, в желтой одежде, в поясе отшельника, с глиняной чашей в руках; эту чашу он смиренно протягивал у дверей каждой

хижины, принимая всякое подаяние с кроткою благодарностью и также кротко проходя мимо тех, кто ничего не давал.

Его сопровождали еще двое, подобно ему также облеченные в желтые одежды: но он, несший чашу, казался таким величественным, выступал вперед такою твердою поступью, распространял вокруг себя нечто столь благодатное, глядел на всех такими кроткими, святыми очами, что некоторые из подававших ему милостыню с благоговением глядели на него, другие почтительно кланялись, иные бежали за новыми дарами, досадуя на свою бедность.

Мало-помалу за ним вослед собралась целая толпа детей, мужчин и женщин, они шли, тихо спрашивая друг друга:

– Кто это? Кто? Он не похож на риши! — Но когда он подошел близко к шатру, шелковая занавесь поднялась, и Ясодхара бросилась на дорогу без покрывала, с криком:

— Сиддхартха! Владыко!

Слезы текли из глаз ее, она охватила его руками, а потом, рыдая, упала к ногам его.

Впоследствии, когда царевна вступила уже на путь спасения, у Будды спрашивали, почему он, давший клятву отказаться от всех земных страстей и от нежного, как цветок, всепокоряющего прикосновения женской руки, почему он допустил заключить себя в объятия, учитель отвечал:

– Великий должен переносить любовь малого, чтобы легче возвысить его. Старайтесь, чтобы никто из вас, освободившись от уз, не огорчал связанных душ, величаясь своей свободой. Вы тогда скорей можете считать себя свободными, когда будете распространять свою свободу терпеливым воздействием, мудрою кротостью.

Три ступени трудных испытаний приводят к спасению Бодхисаттв— тех, кто берет на себя руководительство и помощь в этом темном мире: первая называется «**намерение**», вторая **«попытка»**, третья **«познание»**. Знайте, я жил в период «намерения», я желал добра, искал мудрости, но глаза мои были закрыты. Сочтите все серые семена на том куске клещевины: вот столько лет тому назад я жил в образе купца Рама на южном берегу, против Цейлона, близь тех мест, где ловится жемчуг.

В это далекое время Ясодхара жила со мною в нашей деревне, на берегу моря; она была так же нежна, как и теперь, и звали ее Лукшми. Я помню, как я покидал дом, уезжая в видах заработка для поправления нашего убогого положения. Она с горькими слезами просила меня не расставаться с нею, не подвергаться опасностям на суше и на море. «Как можно, любя, покидать любимое?» – вздыхала она. Но я решился. Я поехал в пролив, я вытерпел бурю, разные опасности, страшную борьбу с водяными чудовищами, я мучился днем и ночью, обыскивая морские волны и, наконец, нашел жемчужину, чудную, подобную луне, такую, за которую цари не пожалели бы всех своих сокровищ. Тогда я с радостью направился назад в свои го-

ры, но в это время голод опустошал всю страну. Трудно было мне найти пропитание на обратном пути, и я едва добрался до дому, изнемогая от голода, тщетно скрывая в поясе мое белое морское сокровище.

Дома не было пищи, и на пороге нашего жилища лежала та, ради которой я трудился, лежала безмолвно, умирая от голода. Тогда я возопил: «если у кого-нибудь есть хлеб — вот вам целое царство за одну жизнь! Спасите мою жену и берите мою блестящую жемчужину!» — Тогда один из соседей принес свои последние припасы — и взял красивую жемчужину. Но Лукшми ожила и, возвращаясь к жизни, вздохнув прошептала: «ты в самом деле любишь меня!». Я хорошо распорядился с жемчужиной, продав, ее: я успокоил сердце и душу, не знавшие покоя, но те чистые жемчужины, которыми я владею теперь и которые я обрел в более глубоких волнах — двенадцать нидан и Закон — не могут быть ни проданы, ни уничтожены, — они должны сохранить свою совершеннейшую красоту и передаваться, как свободный дар.

На сколько гора Меру выше кучи земли, нанесенной муравьями, на сколько капли росы, скопившиеся в следе ног бегущей лани меньше безбрежного моря, на столько мое тогдашнее сокровище ничтожнее настоящего, но любовь, которая стала обширнее, когда освободилась от оков чувственности, поступила разумно, отнесясь снисходительно к более слабому сердцу; таким образом нежная Ясодхара под влиянием кротости перешла на путь мира и благословения!

Когда царь услышал, что Сиддхартха возвратился обритый, в печальном одеянии нищего, что он протягивал чашу и просил подаяния у черни, гнев и горе вытеснили любовь из его сердца. Трижды плюнул он на землю, рвал свою сребристую бороду и затем вышел из дому в сопровождении трепещущих придворных. Нахмурясь, вскочил он на своего боевого коня, пришпорил его и гневно поскакал по улицам и переулкам города, среди удивленного народа, едва успевавшего вымолвить: «Вот царь! Кланяйтесь!» — а всадники уж с шумом пролетали мимо.

При повороте к стене храма, около южных ворот, они встретили громадную толпу. Со всех сторон к ней притекали все большая и большая массы народа, пока дорога покрылась ими, двигавшимися вослед того, чей ясный взор встретил взгляд царя. Гнев отца не устоял против кроткого взора Будды, с почтением устремленного на его мрачное чело, против благородного смирения, с каким сын преклонил пред ним колени. Он не мог не чувствовать радости, видя царевича живым и здоровым, видя его в славе, превосходящей земной блеск, — в славе, принуждающей всех людей безмолвно и благоговейно идти за ним во след.

И все же царь, обращаясь к сыну, воскликнул:

— Неужели должно было кончиться тем, что великий Сиддхартха возвращается в свое царство в рубище, с бритой головой, с сандалиями на ногах, выпрашивая пищу у низкого народа, — он, чья жизнь была подобна жизни бога! Сын мой! Наследник моего обширного царства! Наследник царей, которому стоило только протянуть руку, чтобы получить все, что могла дать земля, что могли доставить самые усердные слуги! Ты должен был явиться в наряде, приличном твоему званию, с блестящими шпорами и со свитою пеших и конных слуг. Взгляни! Все мое войско выстроено около дороги, весь мой город ждет тебя у ворот! Где же, скажи, прожил ты эти тяжелые годы, — годы скорби по тебе твоего венценосного отца? А она, та, которая жила здесь как вдова, забывая о всех радостях, не слыша ни единого звука песни или музыки, ни разу до сегодняшнего дня не надев праздничного одеяния, она во всей пышности своей златотканой одежды, должна приветствовать возвращение мужа — нищего, одетого в лохмотья! Сын мой! Чего ради случилось все это?

— Отец, — отвечал Будда, — таков обычай моего рода!

— В твоем роде, — сказал царь, — насчитывается сотня государей, но нет никого, кто поступал бы подобно тебе.

— Я говорю не о смертном роде, — отвечал учитель, — я говорю о невидимых предках и потомках, о Буддах, которые были и которые будут и один из которых — я, совершающий то же, что и они совершали. То, что происходит теперь, произошло и в давние времена. Тогда также у этих ворот царь, в одежде воина, встречал своего сына в рубище отшельника, — сына, который силой любви и самообладания стал выше самых могущественных и державных владык. И прежде, как и теперь, предопределенный свыше Спаситель миров преклонялся, как преклоняюсь теперь я, и с почтительною нежностью, как исполнение долга сыновней любви, принес в дар первые плоды своих сокровищ. То же приношу тебе теперь и я!

Удивленный царь спросил:

— Какие же это сокровища?

Учитель кротко взял его за руку, и они пошли по улицам, покрытым благоговейным народом; царь и царевна шли подле него, и он объяснял им пути достижения мира и чистоты. Объяснял четыре высокие истины, заключающие в себе мудрость, подобно берегам, замыкающим море, и восемь правил, следуя которым всякий — царь или раб — может ступить на путь спасения, на совершенную стезю, имеющую четыре ступени и восемь законов — ту стезю, следуя которой всякий, знатный и простой, мудрый и неученый, мужчина и женщина, старец и юноша, рано или поздно освободится от колеса жизни и достигнет благословенной Нирваны.

Так вошли они в ворота дворца. Суддходана с просветленным лицом упивался великими речами и собственными руками нес чашу Будды; новый

свет загорался в прелестных глазах кроткой Ясодхары и засверкал в ее слезах. В эту ночь оба они — царь и царевна — вступили на стезю мира

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Недалеко от Нагары, вдоль реки Коханы тянется обширная равнина. Направляясь на северо-восток от храмов Бенареса, путешественник может на волах прибыть туда в пять дней. Снежные Гималаи высятся над этой равниной, круглый год пестреющей цветами и опоясанной ярко-зелеными деревьями, вечно освеженными светлыми водами реки. Мягкими линиями очерчены ее холмы, ее тенистые и прохладные рощи, и свято чтятся духи-покровители ее даже до наших дней.

Вечерний ветерок с трудом проникает через густой кустарник, опутанный гирляндами цветов; там и сям навалены высокие груды красных отесанных камней, сквозь которые пробиваются корни и стволы ползучих смоковниц, окутывая их волнистым покрывалом листьев и зелени. Змея, блестя своими чешуями, опускается с кедров и каменных деревьев и извивается на плитах с глубоко-иссеченными изваяниями: ящерицы пробегают по расписанному помосту, который когда то попирала нога царей: серая лиса безнаказанно прячется под обломки тронов: только вершины гор, река, волнистый луг, приятный воздух остались неизменными. Все остальное, подобно всем прочим призракам жизни, исчезло.

Здесь именно стояла когда то-столица Суддходаны: на этом холме при золотистом закате солнца сидел сам господь Будда и проповедовал Закон в присутствии своих приближенных.

Раскрой священные книги и прочти, что рассказывают они об его встрече в здешних пышных чертогах, назначенных для увеселений, а также и о том, как в саду с тенистыми аллеями, фонтанами, прудами, благоухающими от массы роз террасами, в виду прелестных беседок и целого ряда стройных дворцов, сидел он — учитель наш, величественный, всеми чтимый, тогда как толпа внимательно прислушивалась к каждому его слову, поучаясь у него той мудрости, которая смягчила нравы нашей Азии.

Четыре тысячи лакх[1] живых душ находились тут в этот замечательный день. Он сидел по правую руку царя, вокруг же расположились сакийские князья — Ананда, Девадатта, весь двор, а сзади него стояли Сарипутта и Моггаллана, старейшие из нищенствующих братьев, носящих желтое облачение, — все избранные лучшие люди.

Стоя между колен его, улыбался Рагула, смотря удивленно детскими глазами на его величественное лицо, а у ног его сидела кроткая Ясодхара. Скорбь сердца ее миновала в предвидении той высшей любви, которая зиждется не на изменчивых чувствах, – той жизни, которая не знает старо-

[1] Лакха равняется ста тысячам.

сти, и той благословенной кончины, которая будет смертью самой смерти и которая ознаменует победу и ее и его. Она положила руку на его руки, накинула край его желтой одежды поверх своей серебристой шали и таким образом стала во всем свете самою близкою к тому, чье слово было ожидаемо тремя мирами.

Я не могу передать и малой части чудной речи, произнесенной Буддою; я — один из позднейших писателей, я люблю учителя и его любовь к людям, я передаю эту легенду, зная, что он был мудр, но я не обладаю такою мудростью, которая давала бы мне возможность переходить границы, положенные в писании. Время стерло его письмена и их древний смысл, — смысл, бывший некогда новым, могучим, сильным двигателем.

И знаю лишь небольшую часть обширной речи, произнесенной Буддою в этот тихий индийский вечер. Я знаю также, ибо это значится в писании, что у него было невидимых слушателей на десятки, сотни тысяч более, чем видимых: все дэвы, все; души усопших собрались толпой, и небо наполнилось ими до седьмой сферы, и темный ад открыл свои двери; дневной свет медлил покинуть рдеющие вершины гор; казалось, будто ночь внимала ему, притаясь в долинах, а день — на горных вершинах.

В писании повествуется, что между ними стоял вечер, подобный некоей небесно-прекрасной деве, любвеобильной и восторженной; кудрявые облака казались ее кудрями: рассеянные по небу звезды — жемчужинами и алмазами ее венца; луна — сияющим самоцветным камнем на ее лбу, а сгущающаяся темнота — развевающимися складками ее одежды.

Сдержанное дыхание этой чаровницы проносилось благовонными вздохами по лугам, в то время как господь наш поучал всякого, кто внимал словам его, будь то чужеземец, раб, сын высокой или низкой касты, отпрыск арийского корня или Млеч или обитатель лесов, — всякий слышал свой родной язык. Более того, писание утверждает, что не только народ, толпившийся на берегу, но и птицы, звери, пресмыкающиеся — большие и малые, — все чувствовали всеобъемлющую любовь Будды, все восприняли обет милосердия, заключавшийся в его речи.

Таким образом, все жизни, воплощенные в телах обезьяны, тигра, оленя, медведя, шакала, волка, коршуна, голубя, павлина, лягушки, змеи, ящерицы, летучей мыши, даже рыбы, играющей в ручье, вступили в союз любви с человеком, менее чистым душою, чем все они, и с немою радостью внимали вести о том, что оковы их, наконец, распались. А Будда в это время, в присутствие царя говорил так:

— Ом, Амитайя![1] Не измеряй словами неизмеримого, не опускай нити мысли в бездонное! Кто спрашивает, тот ошибается; кто отвечает, тот оши-

[1] «Ом» – первое слово самой общеупотребительной из буддийских формул: «Ом мани падме хум», буквально означающей «хвала драгоценному камню в лотосе» и скрывающей мистический

бается! Безмолвствуй! Писание гласит, что мрак предшествовал всякому бытию, и один лишь Брахма предавался мышлению среди этого мрака. Не тщись познать Брахму и начало бытия! Очи смертного не могут узреть ни его, ни какой бы то ни было свет; ум смертного бессилен постигнуть его: покров за покровом хотя и поднимутся, но за ними опять окажутся покровы и покровы.

Звезды движутся и не вопрошают. Довольно и того, что существует жизнь и смерть, радость и горе, причинная связь вещей, течение времени и бесконечный поток бытия, в вечной изменчивости непрестанно движущегося, подобно волнам реки, бегущим то медленно, то быстро, — реки все той же и не той же, от истока до впадения в море. Испарения этих волн поднимаются ввысь, а оттуда белое облако опять возвращает похищенную волну, которая снова омывает горы и течет без отдыха и остановки.

Вот все, что надо знать о призрачностях; небеса, земли, миры и время, изменяющее их – это могучее вечно-вертящееся колесо борьбы и страдания, которое никто не может удержать или остановить.

Не молитесь! Мрак не просветлеет!

Не просите ничего у Безмолвия, оно не возглаголет!

Не удручайте свои печальные души благочестивыми подвигами!

Ах, братья и сестры! Не добивайтесь ничего от беспомощных богов дарами и гимнами, не подкупайте их плодами и хлебами!

Ищите спасение в самих себе!

Каждый человек сам строит свою тюрьму. Каждый имеет такую же власть, как и высочайшие существа. Для всех сил вверху, внизу, вокруг, для всякой плоти, для всего живущего — только собственные поступки создают горе или радость.

Совершившееся причиняет то, что есть и то, что будет — добро ли, зло ли, или что придется. Ангелы в небесах Радости пожинают все плоды получившего значение святости прошлого. Злые духи в преисподней изглаживают дурные деяния, совершенные в давно прошедшие времена: ничто не вечно: время ослабляет добродетели и очищает безумные пороки.

Кто мучился, как раб, может, благодаря приобретенному достоинству и заслугам, возродиться царем; бывший царь, неся кару за то, что совершил, или не совершил, может снова появиться на земле в рубище нищего. Вы можете возвысить ваш жребий выше Индры и пасть ниже червя; эти мириады жизней имеют один конец, те — другой. Но пока вертится невидимое

смысл: «хвала несравненному Будде. «Амитайя» имеет различное значение; в настоящем случае термин этот соответствует понятию «бесконечного».

колесо, нет остановки, нить покоя, нет отдыха; кто возвышается, может пасть, кто падает—возвыситься; спицы кружатся безостановочно.

***

Если бы вы были прикованы к колесу изменений и не имели возможности отторгнуться от него, сердце беспредельного существа было бы проклятием, Душа мира стала бы страданием. Но вы не скованы! Душа мира блаженна; сердце живущего небесно-покойно; воля сильнее страдания; то, что было хорошо, становятся лучше; лучшее — совершенным.

Я — Будда, чьи слезы были слезами всех моих собратьев, я — сердце которого было истерзано скорбью всего мира, я отдаюсь теперь радости и веселью, ибо знаю, что свобода не вымысел! О, вы, страждущие, узнайте: — вы страдаете добровольно! Никто не принуждает вас, никто не заставляет жить и умирать, вертеться в колесе, обнимая и покрывая поцелуями терзающие вас спицы, обод, облитый слезами, ступицу – это полнейшее ничто!

Откройте глаза ваши; я покажу вам **истину!** Ниже преисподней, выше неба, дальше самых отдаленных звезд, дальше обители Брахмы, без начала, без конца, без предела, как пространство, достоверно, как сама достоверность, существует **божественная сила,** направляющая на добро; лишь ее законы вечны. Она проявляет!, себя в цветке розы: ее рука складывает листья лотоса, она в темных недрах земли, среди безмолвных посевов подготавливает чудную одежду весны; она расписывает лучезарные облака; она разбрасывает изумруды на перьях павлина: звезды— ее жилище; молния, ветер, дождь — ее слуги.

Из мрака создала она сердце человека, из бесцветных чешуй — полосатую шею фазана; вечно творящая, она превращает во благо все старые скорби, все старые потрясения. Она хранит серые яйца в гнезде ангинги и шестигранную ячейку с медом пчелы; муравей знает ее пути так же, как и белая горлица. Она расправляет для полета крылья орла, когда он возвращается домой с добычей; она посылает волчиху к детенышам; для нелюбимых она отыскивает пищу и друзей. Она не знает никаких препятствий, она не останавливается, все ей равно приятны; она вливает сладкое молоко в грудь матери и яд в зубы молодой змеи.

Она создает гармонию движущихся сфер в безграничной тверди небес; она скрывает в глубоких недрах земли золото, сардоникс, сапфиры, лазуриты.

Постоянно выводя на свет скрытое, она пребывает среди лесных просек и выращивает корни кедра, она же производит все новые и новые листья, цветы, травы.

Она убивает и спасает, ничто не трогает ее, кроме успеха дела; Любовь и Жизнь — вот нити, из которых вырабатывается ее ткань: Смерть и Страдание — вот челноки ее ткацкого станка.

Она созидает и разрушает, вечно все исправляя, и все лучшими и лучшими являются плоды ее творчества. Медленно осуществляется в ее искусных руках великолепный, задуманный ею план.

Видимый мир — часть того целого, которое она созидает; мир невидимый обширнее видимого; сердца и души людей, мысли народов, их желания и поступки — все они управляются тем же великим законом.

Невидимо протягивает она вам руку помощи, неслышным голосом говорит она громче бури. Милосердие и Любовь стали доступны людям, потому что она путем долгой работы придала форму слепой массе.

Никто не может презирать ее, отвергающий ее — теряет, повинующийся ей — приобретает: за тайное добро она платит миром и благословением, за тайное зло —страданием.

Она все видит, все подмечает — она награждает хороший поступок и карает дурной, даже и тогда, когда совершивший его успевает, наконец, познать истинный закон (Дхарму). Она не знает ни мести, ни прощенья: мера, которою она мерит, вполне точна, ее весы безукоризненно верны; время для нее не существует — приговор ее неизменен: произнесет ли она его завтра или через много лет — он останется тем же.

Ею нож убийцы направляется против самого убийцы; несправедливый судья лишается защитника; ложь сама себе служит наказанием; вор и разбойник похищают, чтобы возвратить похищенное.

Таков закон правды, – закон, который никто не может обойти, никто не может приостановить, сущность его есть Любовь; цель его – Мир и блаженная кончина! Ему повинуйтесь!

***

Книги гласят истину, братья! Жизнь каждого есть плод его предыдущего существования: прошлые недобрые дела порождают скорбь и горе, прежние добрые дела являются источником блага в настоящем.

Вы жнете только то, что сеяли! Взгляните на эти поля! Кунжут и был кунжутом, хлеб – хлебом. Безмолвию и мраку все это известно. Так зарождается судьба человека! Приходит он — жнец — и пожинает, что посеял, семена за время прежних, существований, и кунжут, и хлеб, и плевелы, и ядовитые растения — бремя его самого и несчастной земли.

Если он трудится на благо, истребляет плевелы и заменяет их полезными злаками, его поле будет плодоносно, чисто и красиво, и он соберет обильную жатву.

Если живущий постигнет, где источник скорби, если он терпеливо перенесет страдания, стараясь любовью и правдою заплатить свой долг за

прошлое зло, если он, ничем не пренебрегая, тщательно очистит себя от всякой лжи и похоти; если он будет смиренно претерпевать все, платя за оскорбление милостью и добром, если он всю жизнь, день за днем, пребудет милосердным, святым, справедливым, добрым и верным, если он будет с корнем вырывать глубоко-засевшие желания до тех пор, пока не исчезнет страсть к существованию, — тогда, умирая, он оставит, как итог своей жизни, закрытый счет, в котором все дурное окажется исчезнувшим и погибшим; все хорошее — окрепшим, возросшим, расширившимся и долженствующим принести плод.

Такому существу не нужно того, что вы называете жизнью; то, что началось в нем, когда он начался, пришло уже к концу: он достиг цели, ради которой стал человеком. Никогда больше вожделения не будут терзать или пятнать его; никогда тоска по земным радостям и горестям не нарушит его вечного мира; никогда не вернется к нему смерть или жизнь! Он погружается в Нирвану. Он сливается с Жизнью, но не живет. Он блажен, ибо перестал существовать. **Ом мани падме хум!** Капля росы сливается со светозарным морем!

***

Вот учение о карме! Внемлите!

Только тогда, как все грехи до последней соринки заглажены, только тогда, когда жизнь угасает подобно сгоревшей свече, только тогда умирает с ней вместе и смерть.

Не говорите: «я существую», «я существовал» или «я буду существовать»; не думайте, что вы переходите из одного жилища плоти в другое, подобно путешественникам, переходящим, из дома в дом и забывающим, где была дурная пища, дурное помещение. Всецелое бытие мира вновь выделяет итог всех пережитых существований. Оно само строит свое жилище подобно червю, ткущему шелковый кокон и поселяющемуся в нем. Оно принимает телесность и видимый образ подобно тому, как высиженное яйцо змеи приобретает зубы и чешую. Как крылатое семя тростника перелетает чрез скалы, пески и глину, пока найдет пригодное для себя болото, где может размножаться, так и оно воплощается на пользу или на вред.

Когда смерть—этот грозный убийца — поражает злое существо, его неочищенные останки блуждают в пространстве, гонимые вредоносными ветрами. Когда же умирает кроткий праведник, дуют тихие ветры, мир становится богаче: так степной поток исчезает на время в песок, а затем снова появляется более черным, более блестящим, более широким. Таким образом, приобретенное ранее совершенство создает более счастливое существование, а утраченное замедляет его наступление.

Этот Закон Любви должен повсюду господствовать всевластно до скончания века (Кальпы). Что противодействует ему?.. Братья, ему противодей-

ствует мрак! Этот мрак питает невежество и заблуждение, вследствие которых вы принимаете призраки за истину, вы жаждете вожделений и привязываетесь к вожделениям, порождающим все скорби.

Вы, желающие вступить на срединный путь, начертанный светлым разумом, облегчаемый кротким спокойствием, вы, желающие идти великим путем Нирваны, — выслушайте четыре святые истины.

Первая истина о страдании. Не заблуждайтесь! Прославляемая вами жизнь не что иное, как продолжительная агония; одни только скорби ее постоянны, радости ее подобны блестящим, быстро улетающим птицам. Скорбите о рождении, скорбите о беспомощном детстве, скорбите о пылкой юности, о мужественной зрелости, о холодной седой старости и о всепожирающей смерти — в них, ведь, заключается вся жизнь ваша.

Сладка страстная любовь, но пламя костра обнимает грудь, на которую мы склонялись, уста, которые мы покрывали поцелуями; достославно могущество воинов-победителей, но коршуны клюют тела героев и царей.

Прекрасна земля, но все обитатели ее лесов замышляют взаимное убийство из жажды сохранить свое существование. Небеса блещут сапфиром, но когда умирающие от голода люди молят о помощи, они не дают им ни капли воды. Спросите больного, спросите скорбящего, спросите одинокого старика, с трудом передвигающего ноги: «Хороша ли жизнь?» — Каждый из них скажет: «Разумно дитя, плачущее при рождении на свет!»

Вторая истина — истина о происхождении страдания. Какое горе происходит само по себе, а не от желания? Ощущения и ощущаемое соединяются и зажигают быстро воспламеняемую искру страсти. И вот загорается тришна — жажда бытия, жажда наслаждений. Вы привязываетесь к призракам, останавливаетесь на мечтах! Обманчивый призрак личного существования вы делаете средоточием всего и создаете целый мир вокруг кажущихся видимостей. Вы слепы ко всему высокому, глухи к тихому дыханию далекого неба Индры, вы не понимаете призыва к истинной жизни, скрытой от предпочитающих ложную.

Вот почему все возрастают распри и вожделения, порождающие войны на земле; вот почему множатся муки обманутых сердец, текут потоки слез; возрастают страсти, похоти, вражда, ненависть; за одним кровавым годом кровавою стопою следует другой, такой же. И там, где должны бы возрастать здоровые посевы, там расстилаются вредоносные корни, ядовитые цветы сорных трав; доброе зерно едва-едва находит себе место на земле.

Упоенная ядовитым напитком душа покидает тело, и мучимая новой жаждой, карма возвращается на землю: сознание снова создает телесность и становится жертвой новых самообольщений.

Третья истина относится к упразднению страданий: для достижения ее надо победить себялюбие и жажду существования, вырвать из серд-

ца глубоко внедрившиеся в него страсти, угасить внутреннюю борьбу. Заменить земное вожделение любовью к вечной красоте, земную славу — славой победы над собою, земные наслаждения — жизнью богов, стремление к богатству — собиранием вечных сокровищ, сокровищ полезной деятельности, милосердия, кротких речей, чистых помыслов; эти сокровища не погибают в жизни, не уничтожаются смертью. Тогда страдание упразднится, ибо жизнь и смерть прекратятся.

Как может гореть светильник, когда масло выгорело? Старый печальный счет заключен, новый чист — человек достиг своей цели.

Четвертая истина есть истина о Пути. Этот Путь, эта святая восьмеричная стезя для всех открыт, для всех легок и доступен; он ведет прямо к миру и успокоению. Внимайте! Многие тропинки ведут к тем снежным вершинам, вокруг которых вьются золотистые облака, путник может достичь этого нового мира, ступая или по крутым склонам или по отлогим скатам. Крепкие ноги могут отважиться идти по крутой, изрытой, опасной дороге горного хребта: слабые должны постепенно подниматься по извилистому пути, часто останавливаясь для отдыха.

Такова и восьмеричная стезя, приводящая к миру: она идет или отлогим или крутым подъемом. Твердые души спешат, слабые медлят, но все достигают озаренных солнцем вершин.

Первая ступень есть истинная вера. Идите вперед, помня Дхарму, избегая злых дел, не забывая о карме, создающей судьбу человека, постоянно обуздывая свои чувства.

Вторая — истинная решимость. Смотрите доброжелательно на все живущее, умертвите в себе злобу, гнев, корысть; пусть вся наша жизнь будет подобна тихо веющему ветерку.

Третья – истинное слово. Стерегите уста ваши, как вход в обитель царя! Пусть, ради этого царя, каждое слово ваше будет спокойно, приветливо, благосклонно.

Четвертая — истинное дело. Пусть каждое действие ваше служит к исправлению ошибки, и к развитию добра. Как серебряная нить сквозит сквозь стеклянные бусы, так любовь должна сквозить через все ваши поступки.

Дальше идут четыре более **высокие пути** — только те могут вступить на них, кто покончил со всем земным:

- истинная чистота,
- истинный помысел,

- истинная любовь к уединению,
- истинное созерцание.

Не пытайтесь возноситься к солнцу, вы, неокрыленные души! Нижние слои воздуха более мягки, отлогие пути более безопасны и изведаны: только сильные могут покинуть родное гнездо.

Я знаю, любовь к жене и детям дорога; приятно иметь друзей; приятно пользоваться удовольствиями своего возраста; благотворно не оскудевать в благодеяниях; отрадно испытывать жизненные волнения, хотя и призрачные, но заманчивые.

Если хотите жить такою жизнью — живите; присущую вам слабость обратите в золотые ступени и, пребывая среди своих фантазий, возвысьтесь до более высоких истин. Таким образом вы достигнете светлых высот и найдете более легкий путь ввысь, менее тяжелое бремя грехов и более твердую волю для освобождения себя от уз чувственности и для следования по стезе.

Кто начинает так, поднимается на первую ступень; он знает святые истины, восьмеричную стезю; помощью многих или немногих перевоплощений он достигнет благословенного убежища— Нирваны.

Кто достигает второй ступени, тот свободен от сомнений, обольщений и внутренней борьбы, все вожделения им побеждены; его не обманут ни жрецы, ни книги, ему осталось прожить еще только одну жизнь.

Дальше находится третья ступень: на нее восходит дух твердый и чистый, возвысившийся до любви ко всем живым существам, до полного мира. Когда его жизнь окончится, темница жизни рушится.

Но есть и такие существа, которые в течение жизни достигают наивысочайшей четвертой ступени святости — становятся Буддами, чистыми душами.

Подобно свирепым врагам, убитым храбрым воином, во прахе лежат на этих ступенях десять главных пороков:

- первые три: себялюбие, обман и сомнение;
- два следующие: вражда и похоть.

Победитель этих прошел уже три ступени из четырех; ему остается еще победить: страсть к земному существованию, стремление к жизни на небесах, самовосхваление и гордость.

Как тот, кто, достигнув снежной вершины горы, не видит над собою ничего кроме безграничного голубого неба, так и тот, кто убил все пороки, достигает границ Нирваны. Боги стоят ниже его и завидуют ему: его не тревожит разрушение всех трех миров. Вся жизнь прожита им, все смерти умерли для него. Его карма не будет более создавать себе новых жилищ в телах. Ничего не отыскивая, он все приобретает; он отрекается от себя, и весь мир переходит в его «я»: не верьте же, если кто-либо станет учить вас, что Нирвана есть уничтожение, такое утверждение — ложь.

Если же кто-либо станет учить, что Нирвана есть жизнь, ответьте ему, что он заблуждается; он не знает ее, не знает, что такое свет без светильника, не знает, что такое блаженство вне пределов времени и бытия.

Вступайте на стезю! Нет скорби худшей, чем вражда! Нет страданья тяжелее страсти, нет обмана грубее обмана чувств! Вступайте на стезю! Тот сделал большой шаг по ней, кому удалось победить хоть одно греховное побуждение. Вступайте на стезю! По ней течет животворный поток, утоляющий всякую жажду! На ней цветут бессмертные цветы, покрывавшие весь путь радостью! На ней ждут вас многие сладкие быстролетные часы!

***

Сокровище закона драгоценнее алмазов; его сладость слаще меда; наслаждения, доставляемые им, неизмеримо выше всяких, наслаждений! Чтобы жить по закону, заметьте себе пять истинных правил: не убивай из сострадания и ради того, чтобы не лишить жизни малейшее существо, стремящееся к совершенствованию.

Давай и принимай свободно, но не вымогай ничего чужого насилием, хитростью или обманом.

Не лжесвидетельствуй, не клевещи, не лги: правда твоих слов служит выражением внутренней чистоты.

Избегай пищи и питья, затмевающих разум: ясный дух, чистое тело не нуждаются в соке сомы.[1] Не касайся жены ближнего твоего;

Не совершай плотских грехов, и противных закону и добрым нравам.

Сие есть слово учителя об обязанностях к отцу, к матери, к детям, к товарищам, к друзьям, — учителя, наставляющего тех, кто не может прямо разорвать оковы чувственности, кто слишком слаб, чтобы следовать горному пути, кто должен устроить свою плотскую жизнь так, чтобы она проходила безупречно в делах милосердия, кто, сохраняя чистоту, почтительность, терпение, сострадание, стремится к приобретению сил для первых шагов по восьмеричной стезе; кто мог возлюбить все живое, как самого себя, кто постиг, что все злое есть плод зла, происшедшего в прошедшем, все доброе—плод прошлого добра; кто уразумел, что чем полнее победа человека над самим собою, тем обширнее помощь, оказанная миру ради очищения его от скверны ада, тем вернее путь к следующей ступени совершающегося восхождения, тем чище грядущее перевоплощение.

---

[1] Сок растения *сомы,* приносимый при жертвоприношениях по ритуалу Вед. От *сомы* хмелеет сам Индра а возбуждается на подвиги в борьбе с Вритрой.

Так учил он. И не в первый раз слышали от него эти поучения. За много времени перед тем, проходя по бамбуковой роще близ Раджагрихи, господь наш говорил подобное же. Там он встретил на рассвете пахаря Сингалу, который, свершив омовение, кланялся в землю на все четыре стороны и бросал обеими руками пригоршни красного и белого рису.

— Зачем кланяешься ты так, брат? — спросил учитель.

— Так учили нас наши отцы, — отвечал тот, — каждое утро, до начала работы, мы кланяемся, чтобы предохранить себя от зла, посылаемого нам небом сверху и землей снизу, и ветром, дующим с разных сторон.

Тогда сказал учитель:

— Не разбрасывай рис! В жертву принеси лучше помыслы и дела любви: родителям, как востоку, откуда появляется свет; учителям, как югу, дающему нам богатые дары; жене и детям, как западу, сияющему мягким светом любви до конца дней; друзьям и родным, и всем людям, как северу; самым мелким живым существам внизу; святым и ангелам наверху. Тогда всякое зло будет устранено, и шесть главных правил будут соблюдены!

Так говорил учитель всем вообще, но своим монахам в желтом облачении — тем, которые, подобно усталым орлам, нетерпеливо стремятся вырваться из низменной долины жизни и простирают крылья к солнцу, – тем он преподал десять заповедей.

Он объяснил им, как нищенствующий монах должен понимать трое врат и тройную мысль, шестеричное состояние души, пятеричную силу, восемь высоких врат чистоты, способы понимания, нить великих размышлений, которые для святой души составляют пищу слаще меда, и три главные убежища.

Он учил их, как они должны жить, как должны освободиться от сетей страсти и богатства: что пить и есть, какое носить платье – простое, сшитое из кусков грубой желтой ткани, оставляющее плечи непокрытыми, подпоясанное кушаком; учил, что каждый должен ходить с чашей для сбора подаяний в руках. Таким образом он положил начало сангхе — великому ордену желтого облачения, до сих пор существующему на благо мира.

Всю ночь говорил Будда, поучая закону. Сон не сомкнул ничьих глаз, ибо те, кто его слушал, ощущали невыразимую радость. Когда он закончил, царь сошел со своего престола, подошел босыми ногами к сыну, низко поклонился ему, целуя край его одежды, и сказал:

– Прими меня, сын мой, самого низкого и недостойного из всех твоих учеников!

А прелестная Ясодхара, снова чувствуя себя счастливой, воскликнула:

— Благословенный! Дай Рагуле в наследство сокровище твоего учения!

И все трое вступили на стезю.

Здесь конец моего писания. Я люблю учителя за его любовь к нам, но я знаю мало и потому мало мог сказать о нем и о путях к миру. В течение сорока пяти лет после рассказанного учил он этим путям в разных странах на разных языках и дал нашей Азии свет, сияющий доселе и побеждающий мир силою своей благодати.

В священных книгах описано, куда ходил он, какие могущественные цари вырезали его святые слова на камнях скал и пещер, и как, когда настало время, скончался Будда, великий Татхагата, живший среди людей в образе человека, и как после того тысячи и десятки тысяч людей ступили на стезю, по которой он шел, которая ведет к Нирване — к обители Безмолвия.

О, великий учитель, о, великий избавитель! Прости мне это недостойное писание, оскорбляющее тебя, измеряющее слабым умом твою высокую любовь. О любвеобильный! Брат! Наставник! Светильник закона! Я прибегаю под защиту твою и твоего имени! Я прибегаю под защиту твоего закона благости! Я прибегаю под защиту твоей общины! Ом! Капля росы сияет на цветке лотоса! Взойди, пресветлое солнце! Возьми лист моей жизни и дай мне слиться с волнами! **Ом мани падме хум**! Солнце восходит! Капля росы поглощается лучезарным морем!